

Е. А. ЛЯЦКІЙ.

ПУШКИНЪ-ПОВѢСТВОВАТЕЛЬ ВЪ „ИСТОРИИ ПУГАЧЕВСКАГО БУНТА.“

I.

Въ 1824 году, въ бытность въ Михайловскомъ, Пушкинъ заинтересовался русской исторіей. Этотъ интересъ возможно объяснить столько-же вліяніемъ Карамзина, подсказавшаго ему трагической эпизодъ изъ эпохи Бориса Годунова, сколько и интуиціей художника, видѣвшаго въ изложеніи судебъ Россійскаго государства живыя лица и драматическія положенія, недоступныя ученому историку. Вслѣдъ за „Борисомъ Годуновымъ“ у Пушкина намѣтилось нѣсколько перспективъ художественно-историческаго постиженія, связанныхъ по преимуществу съ XVIII вѣкомъ.

Двѣ личности привлекли особое вниманіе Пушкина — Петра I, являвшагося для него символомъ строительства и военной мощи, и народного бунтаря, въ стилѣ Стеньки Разина или Пугачева. Апоеозу Петра въ „Полтавѣ“ и „Мѣдномъ Всадникѣ“ Пушкинъ задумывалъ противопоставить нѣкій космическій элементъ народного духа, въ лицѣ безроднаго бунтаря, который оказывался способенъ не только наносить удары крѣпко сложившемуся самодержавно-дворянскому строю, но и явиться серьезной угрозой всему государству. Интересъ психологическій сочетался у Пушкина въ данномъ случаѣ съ интересомъ политическимъ въ томъ смыслѣ, что историческія представленія его связывались неизмѣнно съ мыслями о будущихъ судьбахъ Россіи, въ которыхъ прошлое мыслилось имъ лишь какъ вчерашній день, готовившій свое неизвѣстное „завтра“. Политическія представленія встрѣчались въ лабиринтѣ творческихъ предвосхищеній съ этическими предпосылками, съ убѣжденіями о господствѣ нравственныхъ законовъ въ мірѣ человѣческихъ дѣйствій. На этихъ убѣжденіяхъ была построена психологія трагедіи „Борисъ Годуновъ“. Трагедія эта приподнимала завѣсу надъ политическимъ міросозерцаніемъ Пушкина, обнаруживая и его работу надъ этимъ міросозерцаніемъ. Всякая власть, а прежде всего царская, должна основываться на законѣ нравствен-

номъ, нарушеніе котораго не проходитъ безнаказанно. Источникъ этого закона находится въ глубочайшихъ нѣдрахъ народнаго сознанія, творящаго свои представленія о добрѣ и злѣ. Если Петръ Великій въ его служеніи высшимъ цѣлямъ народнаго и государственнаго блага, являлся для Пушкина волевымъ олицетвореніемъ нравственнаго закона, то послѣдующія десятилѣтія, съ ихъ отрицаніемъ Петровской реформы, были для него нарушеніемъ этого закона: народъ оказался закрѣпощеннымъ, дворянство выдѣлилось въ кастовую олигархію, перенявшую на себя милости и блескъ императорской короны. Такъ слѣдовало понимать схему размышленій Пушкина, когда онъ въ письмѣ къ брату Льву Сергѣевичу¹⁾ просилъ прислать ему описаніе жизни Емельки Пугачева для задуманнаго имъ романа. То было первое упоминаніе о Пугачевѣ.

Конечно, Пушкинъ не случайно остановился на этой темѣ для своего замысла, и надо предполагать, что психологическія предпосылки этого замысла нуждались только въ фактическомъ матеріалѣ. Если „Борись Годуновъ“ могъ возбуждать цензурныя опасенія, которыя заставляли поэта тщательно загонять между строкъ опасныя истолкованія личности царственнаго убійцы, то личность Пугачева, объявившаго себя царемъ Петромъ Ѳедоровичемъ, могла возбудить еще большія цензурныя опасенія. Они и возникли прежде всего въ головѣ имп. Николая Павловича, когда Пушкинъ, спустя почти десять лѣтъ, обратился къ нему за разрѣшеніемъ заниматься въ архивахъ историческими разысканіями о личности Пугачева.

Трудно судить, въ какомъ направленіи могъ измѣниться первоначальный замыселъ Пушкина. Но несомнѣнно, что не исторія, въ чисто научномъ смыслѣ, но именно романъ съ центральной личностью Пугачева занималъ поэта. Трудъ государственнаго исторіографа Карамзина сталъ какъ бы отраслью государственнаго служенія, обяывавшаго историка сообразовать свои выводы съ умозрѣніемъ и выгодами государственной власти. Съ этой точки зрѣнія она являлась своего рода предохранительной завѣсой отъ тѣхъ враждебныхъ и опасныхъ подозрѣній, которыя возникли бы въ обществѣ того времени, если бы Пушкинъ открыто заявилъ о желаніи проникнуть въ официальные архивы исключительно для цѣлей созданія романа. Но такъ какъ безъ разысканій написать романа было невозможно, то, прежде чѣмъ подойти къ нему, необходимо было заплатить дань государственной исторіографіи и заявить о желаніи изложить „Исторію Пугачева“.

Надо думать, впрочемъ, что Пушкинъ сомнѣвался, удастся-ли ему получить доступъ къ соотвѣтствующимъ документамъ. Онъ выражалъ готовность или дѣлалъ видъ, что былъ бы не прочь заняться личностью Ермолова, героя Бородина и покорителя Кавказа, жизнь котораго давала возможность создать интересную и полную драматизма

¹⁾ Письмо отъ начала ноября 1824 г. — „Пушкинъ, Письма“, подъ редакціей Б. Л. Модзалевскаго, Гос. изд-во, М. 1926, т. I, стр. 95.

обстановку на фонѣ кавказской природы. Личность Ермолова сама по себѣ была въ высшей степени оригинальна и, несомнѣнно, вызвала бы глубокое психологическое изображеніе, по отношенію къ которому политическая идея все-же играла бы второстепенную роль. Ближе подошелъ Пушкинъ къ Суворову, этому баловню военной судьбы, генію беззаветной храбрости и чудачества. Пушкинъ даже затребоваль и получилъ въ свое распоряженіе нѣсколько дѣлъ о Суворовѣ изъ архива военнаго министерства, а между этими дѣлами должны были оказаться и донесенія Суворова о своихъ отношеніяхъ къ Пугачевскому бунту. Однако вѣрнѣе предположить, что Суворовъ былъ для Пушкина лишь своего рода мостикомъ для перехода къ Пугачеву,¹⁾ такъ какъ, получивъ доступъ къ нѣкоторой части дѣлъ, издавна его интересовавшихъ, онъ пересталъ заниматься этой личностью. Очевидно, расширительно толкуя разрѣшеніе изучать дѣла определенной эпохи, Пушкинъ настойчиво добивался присылки ему дальнѣйшихъ, именно пугачевскихъ документовъ. Но и среди этихъ документовъ, составлявшихъ, какъ мы теперь знаемъ, лишь часть Пугачевскихъ бумагъ, хранившихся въ Москвѣ, слѣдственнаго дѣла не было, о чемъ самъ Пушкинъ, не безъ скрытаго огорченія, упоминалъ въ своей „Исторіи Пугачевского бунта.“²⁾ Въ этомъ можно видѣть тяжелую руку имп. Николая Павловича, взявшаго на себя неблагодарную роль Пушкинскаго цензора. Державный цензоръ исполнялъ свою обязанность не формально. Онъ не только дѣлалъ свои замѣчанія на текстъ Пушкинской работы, но даже измѣнилъ ея заглавіе. Пушкинъ зналъ, однако, что дѣлалъ.

Сознавая недостаточность официальныхъ документовъ онъ тщательно собиралъ все, что могло сохраниться въ частныхъ рукахъ или въ памяти старожилловъ. Для этой цѣли онъ совершилъ лѣтомъ 1833 г. поѣздку въ Оренбургскую и Казанскую губерніи, гдѣ проникалъ, не хвастаясь этимъ, въ провинціальныя архивы, раздобывалъ дѣла разныхъ канцелярій, а главное — разыскивалъ лицъ, что-либо знавшихъ о Пугачевѣ, и записывалъ все, что удавалось услышать. Конечно, матеріаль преданій и рассказовъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ сообщений, на которыя могъ бы опереться историкъ. Въ этомъ обнаружилась любознательность романиста и психолога, для котораго народная передача была не менѣе драгоценна, чѣмъ документъ. Ха-

¹⁾ Скрывая въ началѣ свой основной интересъ къ Пугачеву, Пушкинъ двигалъ на первый планъ Суворова, указывая, что эпизодъ съ Пугачевымъ, самъ по себѣ ничтожный (Суворовъ лично стерегъ пойманнаго самозванца, а затѣмъ отправилъ его въ клѣткѣ въ Москву), составить лишь одну главу въ работѣ. Ясно, что это былъ лишь замаскированный подходъ съ цѣлью усыпить возбужденную подозрительность властей.

²⁾ „Исторія пугачевского бунта“ — „Сочиненія Пушкина“, изданіе Императорской Академіи Наукъ, т. XI, Петроградъ, 1914. — Въ дальнѣйшемъ пользуемся текстомъ этого изданія. Пушкинъ имѣлъ возможность ознакомиться съ „слѣдственнымъ дѣломъ“ значительно позже. Фактическая сторона изученія соотвѣствующихъ матеріаловъ изложена въ обстоятельной работѣ Н. Н. Фирсова „Примѣчанія къ „Исторіи пугачевского бунта“ (Условія, при которыхъ А. С. Пушкину пришлось работать) — „Сочиненія Пушкина, т. XI, стр. 3—56.

рактельны, во всякомъ случаѣ, записи со словъ случайныхъ собесѣдниковъ Пушкина. Матеріаль бытовомъ и „анекдотическій“ онъ не безъ тайной цѣли относилъ къ „примѣчаніямъ“, словно не желая привлечь къ нимъ вниманія. Какъ онъ признавался И. И. Дмитріеву, онъ дѣлалъ подобныя записи „для себя“.¹⁾ Историкъ обошелся бы вовсе безъ этихъ записей, но Пушкинъ считалъ необходимымъ сохранить ихъ, хотя бы онъ и не имѣли прямого отношенія къ его изслѣдованію.

Съ одной стороны, Пушкинъ не былъ доволенъ результатами своихъ изысканій во время упомянутой поѣздки. Одно время онъ готовъ былъ даже „плюнуть“ на Пугачева, какъ онъ писалъ женѣ. Слѣдуетъ думать, однако, что это выраженіе было плодомъ минутнаго раздраженія поэта, столь быстро на рѣзкое слово, потому что онъ и позже нисколько не пересталъ интересоваться своимъ героемъ. Не могло его недовольство относиться и къ документальной сторонѣ дѣла, потому что въ рукахъ Пушкина все-же оказалось исключительное для того времени богатство сообщеній, описаній и оффиціальной переписки. Скорѣе всего Пушкинъ былъ раздраженъ тѣмъ обстоятельствомъ, что ему приходилось спѣшить съ такимъ видомъ работы, которая не занимала его души и сводилась лишь къ единственной цѣли получить за „Исторію“ деньги, необходимыя для выхода изъ запутаннаго матеріальнаго положенія.²⁾ Ему необходимы были деньги, деньги большія, соотвѣтствовавшія требованіямъ шумной столичной жизни, въ которой онъ, исторіографъ и камеръ-юнкеръ, обязанъ былъ играть роль счастливаго супруга безпечной и суетной красавицы - жены. Непомѣрные расходы заставляли спѣшить съ работой, чтобы приблизить время ея оплаты, и мы знаемъ, съ какой быстротой Пушкинъ, скрѣпя сердце, выполнилъ ее.³⁾ Могъ ли онъ при этихъ условіяхъ глубоко погрузиться въ изученіе корней мятежа и сдѣлать изъ этого погруженія соотвѣтствующіе выводы? Если даже допустить, что эти выводы а priori не предполагались имъ, то не заключали ли они въ себѣ опасности никогда не быть повергнутыми передъ зоркія очи имп. Николая? Вѣдь источникъ народныхъ волненій, связанныхъ съ именемъ не од-

¹⁾ „Читатели любятъ, писалъ онъ далѣе, — анекдоты, черты мѣстности и пр.; а я все это отбросилъ въ примѣчанія“. „Анекдоты“ на языкѣ того времени обозначали историческія сообщенія, достовѣрность которыхъ могла быть подвергнута сомнѣнію.

²⁾ „Охъ, кабы у меня было сто тысячъ! — писалъ Пушкинъ женѣ 15 сент. 1834: какъ бы я все это уладилъ; да Пугачевъ, мой оброчный мужичекъ, и половины того мнѣ не принесетъ...“ „Соч. А. С. Пушкина“ подъ ред. П. А. Ефремова, изд. А. С. Суворина. СПб., 1903, т. VII, стр. 576.

³⁾ „Большая часть ея (6 главъ) была написана еще до поѣздки въ Казанскую и Оренбургскую губерніи; къ моменту этой поѣздки уже были на лицо и главнѣйшіе матеріалы, на основаніи коихъ писалась исторія Пугачева. Въ Казани (6-го сентября), повидимому, былъ сдѣланъ набросокъ 7-ой главы. Въ селѣ Болдинѣ къ концу октября (1833) первая, собственно принадлежащая перу Пушкина, часть „Исторіи Пугачева“ была готова, а 2-мъ ноября было помѣчено написанное къ ней (очевидно, въ это число) предисловіе“. См. Н. Н. Фирсовъ, Прим. къ „Ист. пугач. бунта“, стр. 39.

ного Пугачева, приводилъ непосредственно къ критикѣ верховной власти, и судъ надъ мятежниками могъ легко превратиться въ судъ надъ тѣми, кого народъ считалъ своими угнетателями. При этихъ обстоятельствахъ для Пушкина не оставалось ничего иного, какъ избрать средній путь: послѣдовательно изложить внѣшнія событія, но въ то же время включить въ свое изложеніе тѣ черты личности Пугачева, которыя сами по себѣ съ этимъ изложеніемъ, можетъ быть, не вязались, но которыя, тѣмъ не менѣе, бросали нѣкоторый свѣтъ на не совсѣмъ обыкновенную личность самозванца.

II.

Предоставивъ Николаю Павловичу въ порывѣ благодарности за освобожденіе изъ „михайловскаго заключенія“ свое перо, Пушкинъ быстро увидѣлъ, что императоръ не воспользуется его писательской дѣятельностью въ той области художественнаго творчества, въ какой онъ могъ бы быть болѣе всего полезенъ отечеству. Ему угрожали работы на заданныя темы: „виды правительства“ менѣе всего были направлены въ сторону его поэтическаго творчества. Его желали бы занять „дѣловой прозой“ и, пожалуй, удалить отъ писанія стихотвореній, всегда рискованныхъ съ точки зрѣнія „вольныхъ мыслей“ и намековъ, выходившихъ за грань дозволеннаго. Изъ всѣхъ грозившихъ золь Пушкинъ предпочелъ, такимъ образомъ, наименьшее — изложеніе историческихъ событій, предваряемое такимъ изученіемъ документовъ, какое впослѣдствіи могло оказаться ему полезнымъ для цѣли художественнаго творчества. Онъ избралъ для себя этотъ путь тѣмъ естественнѣе, что исторія его давно занимала и самый складъ его мышленія былъ глубоко проникнутъ историзмомъ.⁴⁾ Но Пушкинъ прекрасно сознавалъ, что онъ не прошелъ исторіографической школы, хотя отлично могъ разбираться въ недостаткахъ „Исторіи государства Россійскаго“. Принимаясь за исторію пугачевщины, онъ, конечно, ограничивалъ себя рамками историческаго метода, проложеннаго Карамзинымъ, что, внѣ всякаго сомнѣнія, должно было успокаивать подозрительность цензуры. Однако, не подлежитъ сомнѣнію и то обстоятельство, что въ изложеніи пугачевщины онъ имѣлъ въ виду по преиму-

⁴⁾ Совершенно справедливо характеризуетъ историзмъ Пушкина профессоръ Г. В. Вернадскій въ своей статьѣ „Пушкинъ, какъ историкъ“: „Пушкинъ не былъ историкомъ по профессіи; онъ не имѣлъ ученой степени. Онъ не оставилъ послѣ себя толстой диссертаци; ему не удѣляютъ особаго мѣста въ обзорахъ русской исторіографіи. И тѣмъ не менѣе его исторіографическое значеніе огромно. Историзмъ — основная черта пушкинскаго творчества, основная стихія его генія. Пушкинъ словно чувствовалъ какимъ-то особымъ историческимъ чутьемъ рожденіе и поступъ событій, значительность незамѣтныхъ явленій, изъ которыхъ вырастаютъ огромныя слѣдствія. Ничтожный житейскій анекдотъ, пройдя сквозь горнило Пушкинскаго духа, пріобрѣталъ какой-то особый вѣсъ и цѣнность. Историческій даръ Пушкина относился одинаково къ прошлому, настоящему и будущему“. — „Ученыя записки“, основанныя Русской Ученой Коллегіей въ Прагѣ, т. I, вып. 1-й, „Философскія знанія“, Прага, 1924.

ществу только Пугачева и въ официальных документах искалъ не внутренней связи событій, но слѣдовъ эпохи, отраженій ея бытового склада, мятежнаго міровозрѣнія и языка. Съ этой точки зрѣнія Пушкинъ легко могъ бы отвести упреки, дѣлаемые позднѣйшими историками: онъ интересовался не исторіей въ ея прагматическомъ построении, но дѣйствіемъ своего воображенія, возбуждаемаго историческими источниками.

Въ самомъ дѣлѣ, что представляет собою „Исторія пугачевского бунта“? Прежде всего — произведеніе, въ основу котораго положено въ высшей степени добросовѣстное изученіе официальных документовъ и историческихъ свидѣтельствъ. По своимъ литературнымъ достоинствамъ, по ясному и точному языку, по стилю, отъ котораго такъ и вѣетъ колоритомъ эпохи, оно — не столько изслѣдованіе, сколько изложеніе, нерѣдко готовое сбиться на историческую повѣсть.

Если бы надъ Пушкинымъ не висѣлъ Дамокловъ мечъ въ видѣ цензуры Николая Павловича, его творческое перо быстро вынеслось бы на дорогу Дубровскихъ и Троекуровыхъ, которые оказались бы въ духовномъ сродствѣ съ Гриневыми и Савельичами.¹⁾ Несмотря, однако, на явное нежеланіе Николая Павловича встрѣчаться на страницахъ пушкинской книги съ Пугачевымъ и его ближайшими сподвижниками, Пушкинъ сумѣлъ ввести цѣлый рядъ еле замѣтныхъ бытовыхъ и портретныхъ черточекъ, которыя могли быть умѣстны въ исторической повѣсти, но почитаться излишними въ историческомъ изслѣдованіи. Уже въ самомъ началѣ, говоря о возникновеніи Яицкаго казачества и сосѣдственныхъ отношеніяхъ съ татарами, Пушкинъ останавливается на любопытномъ преданіи, къ которому его не обязывали ни фактическія обстоятельства, ни сжатость передачи. „Сохранилось поэтическое преданіе, — пишетъ Пушкинъ: — казаки, страстные къ холостой жизни, положили между собой убивать приживаемыхъ дѣтей, а женъ бросать при выступленіи въ новый походъ.“ Начавъ этимъ преданіемъ, Пушкинъ не сразу ввелъ себя въ границы безпристрастнаго историка. Очевидно, изученіе того, какимъ образомъ и какими способами правительство нарушило установившіеся обычаи казацкаго самоуправления и свободу передвиженія „мирныхъ“ калмыковъ, внушило ему рядъ такихъ мыслей, которыхъ онъ не могъ уложить въ подобающіе термины исторіи, предпринятой съ высочайшаго соизволенія. Объ этомъ прежде всего говоритъ ясное и точное перечисленіе тѣхъ особенностей казацкаго самоуправления, которыя обезпечивали имъ, при иныхъ условіяхъ, нормальное экономически-благопріятное и граждански-правовое развитіе: „Совершенное равенство правъ; атаманы и старшины, избираемые народомъ, временные исполнители народныхъ

¹⁾ Въ какую сторону было направлено цензорское око Николая Павловича, видно изъ слѣдующей, весьма характерной приписки Пушкина въ письмѣ къ М. П. Погодину 31 августа 1827: „Стансы къ царю“ имъ позволены; „Пѣсни о Стенькѣ“ не пропущены“. — Пушкинъ, Письма, т. II, стр. 43.

Стенька Разинъ продолжалъ еще занимать воображеніе поэта.

постановленій; круги или совѣщанія, гдѣ каждый казакъ имѣлъ свободный голосъ; и гдѣ всѣ общественныя дѣла рѣшены были большинствомъ голосовъ; никакихъ письменныхъ постановленій; въ куль да въ воду — за измѣну, трусость, убійство и воровство: таковы главныя черты сего управления“. Пушкинъ отмѣчаетъ затѣмъ, что когда начались притѣсненія властей, казаки видѣли въ нихъ нарушение обычаевъ, которые вырабатывались ими въ теченіе столѣтій. Казаки жаловались на притѣсненія „старинныхъ правъ и обычаевъ“, по выраженію Пушкина. Явное сочувствіе казакамъ Пушкинъ перенесъ и на калмыковъ, которые тоже жили своими старыми навыками, пока не пришли въ соприкосновеніе съ представителями государственной власти. Понятно, что это сочувствіе подсказывалось Пушкину не самымъ фактомъ распространенія государственнаго вліянія на окраинное населеніе, но тѣми жестокими и неразумительными мѣрами, къ какимъ прибѣгали представители государственной власти. „Между Волгой и Яикомъ, — пишетъ Пушкинъ — по необозримымъ степямъ Астраханскимъ и Саратовскимъ кочевали мирные калмыки, въ началѣ осьмнадцатаго столѣтія ушедшіе отъ границъ Китая подъ покровительство Бѣлаго царя. Съ тѣхъ поръ они вѣрно служили Россіи, охраняя южныя ея границы. Русскіе пристава, пользуясь ихъ простотою и отдаленностію отъ средоточія Правленія, начали ихъ угнетать. Жалобы сего смирнаго и добраго народа не доходили до вышшаго начальства: выведенные изъ терпѣнія, они рѣшились оставить Россію, и тайно снесли съ Китайскимъ Правительствомъ“. Характеристика, данная Пушкинымъ калмыкамъ, и упоминанія о суровыхъ карательныхъ мѣрахъ, которыми русскія власти старались удержать калмыковъ въ своихъ предѣлахъ, указывали на то, что у Пушкина были свои опредѣленныя мнѣнія по этому поводу. Они предрѣшали и его отношеніе къ послѣдующимъ притѣсненіямъ казацко-калмыцкаго населенія, и его оцѣнку дѣйствій правительственныхъ чиновниковъ съ точки зрѣнія человѣчности и культуры.

Сочувствіе его явно было на сторонѣ страдавшаго населенія.

III.

Замыселъ Пушкина, заслонявшій отъ него „пугачевщину“ личностью Пугачева, развертывается во второй главѣ „Исторіи“, выдавая себя цѣлымъ рядомъ особенностей, присущихъ художническому воспріятію. Большое вниманіе удѣляетъ Пушкинъ біографическимъ свѣдѣніямъ, обстоятельно изображаетъ наружность Пугачева: „онъ былъ росту средняго, широкоплечъ и худощавъ. Черная борода его начинала сѣдѣть...“ Подробно рассказываетъ Пушкинъ исторію побѣга Пугачева изъ казацкой тюрьмы, какъ онъ, отправившись въ городъ въ сопровожденіи двухъ солдатъ для сбора милостыни, увидаль „готовую“ тройку и, оттолкнувъ одного изъ солдатъ, съ помощью другого взобрался на телѣгу и вмѣстѣ съ нимъ умчался въ степь. Пушкинъ

даетъ понять, что мятежникъ былъ закованъ „въ колодки“, и что побѣгъ былъ заранѣе приготовленъ, т. е. у Пугачева уже были связи съ извѣстною частью населенія. Но, упоминая объ этихъ подробностяхъ, Пушкинъ не упоминаетъ о томъ, что роднило Пугачева съ населеніемъ, которое проявило готовность его поддерживать. Сообщивъ вкратцѣ о случаяхъ ухода казаковъ „некрасовцевъ“ въ чужія земли, онъ не считалъ нужнымъ или удобнымъ излагать причины, по которымъ казаки покидали насиженные мѣста и уходили подъ власть турецкаго султана. Пушкинъ былъ слишкомъ хорошо освѣдомленъ объ этихъ причинахъ и, конечно, если бы онъ чувствовалъ на себѣ обязанность историка, то счелъ бы необходимымъ начать свой рассказъ не съ общихъ упоминаній о „притѣсненіяхъ“ и жестокихъ взысканіяхъ, налагавшихся русскими властями на покидавшихъ родныя земли, но изложилъ бы подробнѣе обстоятельства, порождавшія самозванцевъ той эпохи. Пушкинъ же кратко, но выразительно упоминаетъ лишь о томъ, что казаки, отчаявшись добиться своихъ правъ путемъ ходатайствъ и жалобъ, рѣшили при появленіи Пугачева добиваться ихъ мятежомъ: „вмѣсто побѣга, положили быть новому мятежу“. Для Пушкина было важнѣе отмѣтить, что, въ первые дни объявленія себя царемъ Петромъ Феодоровичемъ, Пугачевъ былъ — „въ верблюжемъ армякѣ, въ голубой калмыцкой шапкѣ и вооруженъ винтовкою“. Опредѣляя все, что рассказывалъ Пугачевъ о своемъ „царскомъ“ прошломъ и приключеніяхъ, какъ „нелѣпныя повѣсти“, Пушкинъ считаетъ, тѣмъ не менѣе, нужнымъ пересказать эти „повѣсти“, годныя для настоящаго романа приключеній. Здѣсь и укрывательство отъ враговъ и бѣгство въ Царьградъ, участіе въ сраженіи, блужданіе среди кочевниковъ и тайное появленіе на Руси, арестъ, освобожденіе, — словомъ, все, что мятежникъ считалъ необходимымъ сообщить своимъ искреннимъ или мнимымъ приверженцамъ. Не забылъ Пушкинъ упомянуть и о той изъ „нелѣпныхъ повѣстей“, по которой, въ случаѣ успѣха, Пугачевъ намѣревался поднять всю Русь и при этомъ — поставить новыхъ судей, — „ибо въ нынѣшнихъ, — по его словамъ, — присмотрѣна многая неправда...“

IV.

Нельзя не притти къ заключенію, что, если въ „Исторіи“ оказалось невыясненнымъ бѣдственное состояніе населенія, рѣшившагося бунтовать, то личность зачинщика бунта вырисовывалась вполне отчетливо. Смѣлый бродяга-авантюристъ, бѣглый казакъ, задавшійся цѣлью установить казацкое народоправство на мѣстѣ императорской власти — онъ зналъ, чѣмъ можно было воздѣйствовать на людей, склонныхъ къ возстанію. „Неправда“, на которую онъ указывалъ въ своихъ рѣчахъ была надежнымъ оружіемъ въ рукахъ этого, несомнѣнно, даровитаго бунтаря, объявившаго себя защитникомъ народа противъ его угнетателей. Изложеніе военныхъ событій, на которомъ мы останавливаться не будемъ, свидѣтельствовало однако, что Пуга-

чевъ рассчитывалъ не на одинъ лишь мятежный духъ населенія, но и на вялость, бездѣятельность и трусость гражданскихъ и военныхъ начальниковъ. Расчетъ его оправдался вполне, и въ то время, какъ онъ дѣйствовалъ съ необыкновенной быстротой и упорствомъ, представители власти, развращенные праздною и сытой жизнью, дѣйствовали одними лишь мѣрами устрашенія и наказанія. На сторонѣ Пугачева была искусная стратегія степного разбойника, усвоившаго, сверхъ того, тактику демагогій, по временамъ дѣлавшую его въ глазахъ населенія истиннымъ героемъ, чему помогало и обаяніе царскаго титула. Пушкинъ, по обыкновенію, не скрывая фактовъ, не подчеркивалъ ихъ въ тѣхъ случаяхъ, когда это не было для него необходимо — такъ, онъ долженъ былъ бы въ качествѣ историка, выяснить причины, почему на сторону Пугачева переходили не одни лишь казаки, башкиры и крестьяне, но и солдаты, которые сдавались иногда цѣлыми гарнизонами. Коснись онъ этого предмета, ему пришлось бы обратить вниманіе своего высочайшаго читателя на тѣ необыкновенно тяжелыя условія военной службы, которыя немногимъ стали лучше и при имп. Николаѣ I. Но Пушкинъ предпочиталъ отмѣчать случаи этихъ переходовъ, не останавливаясь на ихъ причинахъ.

Пушкину извѣстны были указы Пугачева, дававшіе матеріаль для характеристики его демагогическихъ пріемовъ. Онъ сжато, но вмѣстѣ съ тѣмъ и полно передалъ содержаніе обѣщаній, которыми Пугачевъ приманивалъ на свою сторону народъ. Эти обѣщанія, въ передачѣ Пушкина, составляли черты величайшей важности въ обликѣ Пугачева. „Онъ (Пугачевъ) обѣщаль казакамъ пожаловать ихъ крестомъ и бородою (Илецкіе, какъ и Яицкіе казаки были всѣ старовѣрцы), рѣками и лугами, деньгами и провіантомъ, свинцомъ и порохомъ и вѣчною вольностью...“¹⁾ Въ приложеніяхъ къ „Исторіи“ Пушкинъ, впрочемъ, приводитъ только указы и распоряженія Екатерины и сената. Возможно, что онъ по цензурнымъ соображеніямъ не приводилъ текста тѣхъ прокламацій, которыя хранились въ архивахъ въ районѣ дѣйствій „пугачевщины“. Для основного пушкинскаго замысла эти прокламаціи должны были представлять столь же драгоценный матеріаль, какъ и то, что онъ рассчитывалъ найти въ протоколахъ слѣдственной комиссіи. Въ нихъ онъ искалъ отраженій личности самозванца, его ума, хитрости, военнаго дарованія, главное — міросозерцанія и языка. Издаваемые впослѣдствіи манифесты, указы и письма Пугачева показали, что Пушкинъ могъ бы найти въ нихъ, если бы весь этотъ матеріаль сталъ бы ему доступенъ, неисчерпаемый источникъ психологическихъ и художественныхъ внушеній: такъ они своеобразны и колоритны. До какой степени Пушкинъ дорожилъ даже мелкими подробностями въ этомъ отношеніи, видно изъ того, что онъ, покидая

¹⁾ „Ист. пугач. бунта“, стр. 24. — См. указы и манифесты Пугачева въ новѣйшихъ изданіяхъ: а) Центрархив. Пугачевщина. Том первый. Изъ архива Пугачева (Манифесты, указы и переписка) Москва—Ленинград, 1926; в) томъ второй. Изъ слѣдственныхъ матеріаловъ и официальной переписки. Москва—Ленинград, 1929.

почву строгаго и мѳрализирующаго исторіографа, не могъ удержаться, чтобы не сохранить крылатаго афоризма Пугачева, доказывавшаго, что элементъ эффектной театральности не былъ чуждъ царю-самозванцу. Когда во время битвы подъ Нижне-Озерною одинъ изъ окружавшихъ Пугачева казаковъ замѣтилъ ему, что онъ рискуетъ своей жизнью:

— Берегись, Государь, неравно изъ пушки убьютъ, — Пугачевъ отвѣтилъ:

— Старый ты человекъ, развѣ пушки льются на Царей?

Пушкинъ любовался этимъ отвѣтомъ Пугачева, вѣроятно, не менѣе, чѣмъ загадочными афоризмами его при началѣ „Капитанской дочки“. Пугачевъ былъ дѣйствительно храбръ, и это свойство было неоднократно отмѣчено Пушкинымъ. Но въ то же время Пугачевъ былъ живымъ олицетвореніемъ некультурной и грубой народной среды, именно того казачества, которое разнообразило взгляды и обычаи средняго русскаго крестьянства особенностями степного положенія на рубежѣ исторической московской государственности и азіатскаго инородческаго анархизма. Увлеченный успѣхами Пугачевъ бражничалъ, какъ самый обыкновенный казакъ; оставивъ жену, обзаводился наложницами, хвастался и величался, задавая фантастическими планами всероссійскаго размѣра и не будучи въ состояніи подняться въ своемъ государственномъ пониманіи выше интересовъ и формъ казачкаго круга. Въ этой части обрисовки Пугачева, Пушкинъ не прошелъ мимо ни одной мелочи, которая была драгоцѣнной для него и совершенно излишней для историка. Нельзя не обратить вниманія на тонъ, въ которомъ Пушкинъ изложилъ одинъ изъ любовныхъ эпизодовъ своего героя: „Пугачевъ въ Яицкомъ городкѣ увидѣлъ молодую казачку, Устинью Кузнецову, и влюбился въ нее. Онъ сталъ ее сватать. Отецъ и мать изумились и отвѣчали ему: „Помилуй, Государь! Дочь наша не княжна, не королевна; какъ ей быть за тобою? Да и какъ тебѣ жениться, когда матушка Государыня еще здравствуетъ?“ Пугачевъ, однако, въ началѣ февраля женился на Устинѣ, наименовалъ ее Императрицей, назначилъ ей Штатсъ-Дамъ и Фрейлинъ изъ Яицкихъ казачекъ и хотѣлъ, чтобъ на ектеніи поминали, послѣ Государя Петра Ѳедоровича, супругу его Государыню Устинью Петровну. Попы его не согласились, сказывая, что не получали на то разрѣшенія отъ Синода. Отказъ ихъ огорчилъ Пугачева; но онъ не настаивалъ въ своемъ требованіи“. Пушкинъ не упустилъ упомянуть въ „Исторіи“, что Пугачевъ былъ способенъ на сильное чувство; характерно было и самое слово „влюбился“, употребленное Пушкинымъ. Не менѣе любопытны въ бытовомъ отношеніи были и рѣчи и мнѣнія родителей, а также и сужденія духовенства, ярко отражавшія взгляды и нравы эпохи. „Пугачевъ не настаивалъ“ — новая и для Пушкина любопытная черта въ характерѣ самозванца, повидимому, знавшаго границу, за которую не слѣдовало переступать. Не обошелъ Пушкинъ и такихъ мелочей, какъ появленіе пьянаго Пугачева на лошади передъ Оренбургомъ или кар-

тины, какъ онъ, послѣ успѣшной встрѣчи съ непріателемъ, сидя въ креслѣ, принималъ дары отъ казанскихъ татаръ. Вся сцена, представлявшая торжество побѣды послѣ взятія Казани, разсказана необыкновенно живописно: „Изъ города погнали плѣнныхъ и повезли добычу. Башкирцы, несмотря на строгія запрещенія Пугачева, били нагайками народъ и кололи копьями отстающихъ женщинъ и дѣтей. Множество потонуло, переправляясь въ бродъ черезъ Казанку. Народъ, пригнанный въ лагерь, поставленъ былъ на колѣна передъ пушками. Женщины подняли вой. Имъ объявили прощенье. Всѣ закричали: ура! и кинулись къ ставкѣ Пугачева. Пугачевъ сидѣлъ въ креслахъ, принимая дары Казанскихъ Татаръ, пріѣхавшихъ къ нему съ поклономъ. Потомъ спрашивали: кто желаетъ служить Государю Петру Фёдоровичу? — Охотниковъ нашлось множество“. По сравненію съ отрывочнымъ и сухимъ изложеніемъ событій военнаго свойства эта сцена могла бы отсутствовать въ небольшомъ по объему историческомъ сочиненіи, но Пушкинъ-романистъ не могъ пройти мимо нея равнодушно.

Рядомъ съ этой картиной Пушкинъ предлагалъ воображенію читателя другую, столь-же характерную въ нѣкоторыхъ чертахъ, обыкновенно скрывааемыхъ отъ глазъ читателя историками. Картина рисуетъ свирѣпья расправы казаковъ съ противниками. Приведемъ ее полнотью. „Между тѣмъ за крѣпостью уже ставили висѣлицу; передъ нею сидѣлъ Пугачевъ, принимая присягу жителей и гарнизона. Къ нему привели Харлова, обезумленнаго отъ ранъ и истекающаго кровью. Глазъ, вышибленный копьемъ, висѣлъ у него на щекѣ. Пугачевъ велѣлъ его казнить, и съ нимъ прапорщиковъ Фигнера и Кабалерова, одного писаря и Татарина Бикбая. Гарнизонъ сталъ просить за своего добраго коменданта; но ящїе казаки, предводители мятежа, были неумолимы. Ни одинъ изъ страдальцевъ не оказалъ малодушія. Магометанинъ Бикбай, взошедъ на лѣстницу, перекрестился и самъ надѣлъ на себя петлю“.

Не менѣе интересной для Пушкина была и сцена встрѣчи Пугачева покорнымъ населеніемъ. Безъ нея художественно-историческая галерея пугачевщины много потеряла бы въ своей полнотѣ. Очевидецъ описываетъ его прибытіе слѣдующимъ образомъ: „Въ крѣпости у станичной избы постланы были ковры и поставленъ столъ съ хлѣбомъ и солью. Попъ ожидалъ Пугачева съ крестомъ и съ святыми иконами. Когда въѣхалъ онъ въ крѣпость, начали звонить въ колокола; народъ снялъ шапки и, когда самозванецъ сталъ сходить съ лошади, при помощи двухъ изъ его казаковъ, подхватившихъ его подъ руки, тогда всѣ пали ницъ. Онъ приложился ко кресту, хлѣбъ-соль поцѣловалъ и, сѣвъ на уготовленный стулъ, сказалъ: встайте, дѣтушки“.

Изображая подобнаго рода сцены, Пушкинъ не могъ не интересоваться и такими чертами, которыя были занимательны для бытописателя. Историкъ могъ проходить мимо нихъ безъ особаго вниманія, зная, что подобныя черты свойственны, за извѣстными измѣненіями, обстановкѣ многихъ моментовъ въ исторіи мятежей и военныхъ дѣй-

ствій. Но для Пушкина было важно отмѣтить ихъ именно потому, что онѣ давали ему краски для изображенія среды, въ которой вращался именно Пугачевъ, герой его художественнаго замысла. Таково описаніе пугачевского житья-бытья въ обыкновенные дни, въ промежуткахъ между схватками и боями. „На ектеніи поминали Государя Петра Федоровича и Супругу Его, Государыню Екатерину Алексѣвну. Пугачевъ, будучи раскольникомъ, въ церковь никогда не ходилъ. Когда ѣздилъ онъ по базару или по Бердскимъ улицамъ, то всегда бросалъ въ народъ мѣдными деньгами. Судъ и расправу давалъ сидя въ креслахъ передъ своею избою. По бокамъ его сидѣли два казака, одинъ съ булавою, другой съ серебрянымъ топоромъ. Подходящіе къ нему кланялись въ землю и, перекрестясь, цѣловали его руку. Бердская слобода была вертепомъ убійствъ и распутства. Лагерь полонъ былъ офицерскихъ женъ и дочерей, отданныхъ на поруганіе разбойникамъ. Казни происходили каждый день. Овраги около Берды были завалены трупами разстрѣлянныхъ, удушенныхъ, четвертованныхъ страдальцевъ. Шайки разбойниковъ устремлялись во всѣ стороны, пьянствуя по селеніямъ, грабя казну и достояніе дворянъ, но не касаясь крестьянской собственности.“

Эта картина цѣликомъ выдавала художественный замыселъ Пушкина. Онъ слишкомъ хорошо зналъ бытъ второй половины XVIII-го вѣка, чтобы ограничить свою роль одной бытописательной стороною, не связывая ее крѣпчайшими узами съ личностью Пугачева. Только по отношенію къ этой личности были драгоцѣнны для него такія черты, какъ поминаніе его въ ектеніяхъ и казаки по бокамъ его кресла — одинъ съ булавою, другой съ серебрянымъ топоромъ, — точно снятые со старинныхъ сказочныхъ изображеній. Въ то же время, любясь, можетъ быть, любя Пугачева любовью художника, Пушкинъ отдавалъ себѣ ясный отчетъ въ отвратительномъ характерѣ жестокостей и кровавыхъ звѣрствъ казацкаго мщенія. Эти проявленія изступленной злобы были ему также противны, какъ и мѣры правительственныхъ „усмирителей“. Но, не считая возможнымъ скрыть подобныя проявленія, онъ говоритъ о нихъ сжато и сурово, словно стремясь поскорѣе отойти и дать отдохнуть отъ нихъ глазу на иного рода изображенія. Съ живо ощущаемымъ сочувствіемъ отмѣчалъ Пушкинъ случаи, когда самъ Пугачевъ являлся противникомъ безсмысленныхъ жестокостей.

V.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи Пушкинъ не забылъ упомянуть и о такихъ подробностяхъ, какъ охрана Пугачева, въ которой лично участвовалъ молодой Суворовъ, и доставка его въ Москву въ клѣткѣ. Конечно, Пушкинъ передалъ съ возможной полнотою и тотъ діалогъ графа Панина съ Пугачевымъ, гдѣ съ такой яркостью сказались и остроуміе, и отчаянная смѣлость послѣдняго. Когда Пугачева привезли во дворъ къ Панину, онъ — „встрѣтилъ его на крыльцѣ, окруженный своимъ штабомъ.“

— Кто ты таковъ? спросилъ онъ у самозванца.

— Емельянъ Ивановъ Пугачевъ, отвѣчалъ тотъ. — Какъ же смѣлъ ты, воръ, назваться Государемъ? продолжалъ Панинъ. — Я не воронъ, — возразилъ Пугачевъ, играя словами и изъясняясь, по своему обыкновенію, иносказательно, — я вороненокъ, а воронъ то ещелетаетъ“. Понятно, сколь драгоцѣнной должна была показаться эта сцена поэту, который могъ усмотрѣть въ ней не одну лишь дерзость отчаянія, но и доказательство спокойнаго безстрашія, своего рода геройскаго презрѣнія къ смерти, ожидавшей мятежника. Здѣсь въ послѣдній разъ сказался и демагогическій расчетъ Пугачева. Свои дерзкія слова, заключавшія въ то-же время и загадочный намекъ на „ворона“, онъ произнесъ въ присутствіи солдатъ и толпы, зная, что они разнесутся въ народѣ. Панинъ испугался дѣйствія словъ Пугачева, но не нашель иного возраженія, кромѣ удара по лицу. Приемъ Пугачева возбуждалъ и привлекалъ, приемъ Панина устрашалъ и вызывалъ ненависть и отвращеніе. Пушкинъ, несомнѣнно, оцѣнивалъ нравственное значеніе поединка: не даромъ выдѣленные слова были подчеркнуты самимъ Пушкинымъ.

Изобразивъ только-что приведенную сцену, Пушкинъ послѣдней чертой дорисовываетъ образъ Пугачева. Черта эта становится особенно знаменательной подъ перомъ Пушкина. Все, что мы знаемъ о великомъ поэтѣ, позволяеть намъ предположить, что онъ съ истинной отрадой проводилъ послѣдній штрихъ въ пугачевскомъ изображеніи. „Рычковъ (академикъ), — рассказываетъ Пушкинъ, — спросилъ его (Пугачева), какъ могъ онъ отважиться на такія великія злодѣянія, — а Пугачевъ отвѣтилъ казенной фразой о своей винѣ передъ Богомъ и государемъ. Говоря о своемъ сынѣ, убитомъ мятежниками, Рычковъ не могъ удержаться отъ слезъ; Пугачевъ, глядя на него, самъ заплакалъ“.

Послѣднюю сцену, потрясающую сцену казни, — которая должна была завершить трагедію пугачевской личности, Пушкинъ передалъ въ изложеніи третьяго лица — И. И. Дмитріева. Въ свое время это изложеніе было обязано своимъ появленіемъ только Пушкину. Оно служило заключительнымъ аккордомъ жизнеописанія главнаго героя, жизнеописанія, по неизбѣжности неточно названнаго „Исторіей“.

Попутно Пушкинъ заноситъ на страницы „Исторіи“ различныя мелкія черты, рисующія портретъ Пугачева. Онъ бережетъ своихъ казаковъ. „Не стану тратить людей, а выморю городъ моромъ“, — говоритъ Пугачевъ Сакмарскимъ казакамъ подъ Оренбургомъ. Даже такая мелкая черта, какъ платье, въ которомъ былъ Пугачевъ въ одномъ изъ военныхъ эпизодовъ, не ускользнула отъ вниманія Пушкина. Въ-стѣ съ другими столь же мелкими чертами онъ создавалъ набросокъ одной изъ возможныхъ страницъ будущаго романа: „Пугачевъ, въ красномъ казацкомъ платьѣ, пріѣхалъ верхомъ въ сопровожденіи Хлопуши. При его появленіи, солдаты поставлены были на колѣна. Онъ сказалъ имъ: прощаетъ васъ Богъ и я, вашъ Государь Петръ III, Императоръ. Вставайте! Потомъ велѣлъ оборотить пушку и выпалить въ степь“.

Эта сцена — готовая страница романа; мы увидимъ далѣе, что она послужитъ канвой для одной изъ страницъ „Капитанской дочки“. Здѣсь Пугачевъ стоитъ во весь ростъ своей портретной выразительности, занимая въ толпѣ казаковъ и плѣнныхъ офицеровъ центральное мѣсто, неподалеку отъ висѣлицы, ждавшей своихъ жертвъ. Кисть Сурикова не могла бы найти лучшаго сюжета.

Пушкинъ искусно пользуется тѣми отзывами современниковъ, особенно противниковъ Пугачева, которые рисуютъ его въ положительномъ смыслѣ. Онъ — искусный организаторъ войска, устройство котораго обстоятельно описано въ „Исторіи“. Распорядительный начальникъ, находчивый и даровитый стратегъ. Пушкинъ отмѣчаетъ, что этимъ свойствамъ Пугачева удивлялись сами противники¹⁾. Сквозь невѣжество, грубость и озлобленіе въ обликѣ Пугачева, нарисованномъ Пушкинымъ, проглядываетъ человѣчность, которая сказывалась въ поступкахъ, исполненныхъ извѣстнаго великодушія. Черты, которыя облагораживали, очеловѣчивали образъ убійцы и злодѣя, совмѣщались съ необыкновенной проницательностью, хитростью и знаніемъ человѣческой души, что дѣлало ихъ героя живымъ выразителемъ той смутной, космически-темной народной психики, въ которой, какъ молніи въ тучахъ, блистаютъ проблески живой, къ свѣту рвущейся мысли.

Въ той же „Исторіи“, изъ которой Пушкинъ сдѣлалъ своего рода записную книгу о Пугачевѣ, набросалъ онъ нѣсколько чертъ другихъ историческихъ лицъ, очевидно, призванныхъ играть ту или иную роль въ его романѣ. Оставляя совершенно въ тѣни характеры военачальниковъ, боровшихся съ Пугачевымъ, онъ заинтересовался лишь оригинальной личностью Бибикова, а въ одномъ мѣстѣ упомянулъ о письмѣ имп. Екатерины къ Вольтеру, гдѣ — любопытно отмѣтить — императрица, подвергавшаяся грозной опасности всенароднаго мятежа, возражала на „сплетни“, какъ она называла европейскіе толки о пугачевскихъ событіяхъ, оставаясь въ роли вѣрнаго стража европейскаго общественнаго мнѣнія. Изображенія бѣдствій, которымъ подвергались жители осажденныхъ Пугачевымъ городовъ, указывали характеромъ своего изображенія, что вниманіе Пушкина было направлено и на бытовую сторону населенія, страдавшаго отъ мятежа. Ярко передаетъ Пушкинъ отчаяніе, охватившее казанцевъ, испытывавшихъ страшныя лишенія и болѣзни, а также картину голода въ яицкой крѣпости, обитатели которой принуждены были въ теченіе пятнадцати дней питаться мягкой глиной.

Изъ документовъ Пушкинъ извлекалъ мѣткія и своеобразныя выраженія. Частью онъ добывалъ ихъ изъ дошедшихъ до него словъ самаго Пугачева, частью изъ письменныхъ источниковъ, относившихся къ инымъ лицамъ. Всюду онъ стремился собрать жемчужины мѣткой и образной рѣчи, особенно сравненій. „Выстрѣлы сыпались подобно

¹⁾ См., напр., сужденіе князя Голицына о быстротѣ, съ какой была исправлена Пугачевымъ сгорѣвшая крѣпость, причемъ деревянныя укрѣпленія были замѣнены снѣговыми. „Ист. пугач. бунта“, стр. 66.

доби битой десятью барабанами“... Умиравшіе отъ голода жители, когда пришло избавленіе, говорили: „все это насъ такъ ободрило, какъ будто мы съѣли по куску хлѣба“... .

Сохранилъ Пушкинъ, но не въ текстѣ, а въ примѣчаніяхъ, любопытнѣйшій отзывъ, одного изъ старожиловъ, хранившихъ живую память о Пугачевѣ: „Разскажи мнѣ, говорилъ я Дмитрію Пьянову, — пишеть Пушкинъ, какъ Пугачевъ былъ у тебя посаженнымъ отцомъ?— Онъ для тебя Пугачевъ, отвѣчалъ мнѣ сердито старикъ, а для меня онъ былъ великій Государь Петръ Федоровичъ. — Когда упоминалъ я о его скотской жестокости, старики оправдывали его, говоря: не его воля была; наши пьяницы его мутили“.

Пушкинъ не идеализировалъ Пугачева, но пристально вглядывался въ его темную душу и радовался каждому лучу, который проникалъ въ нее.

VI.

Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы видѣть, что Пушкинъ, во-первыхъ, писалъ по преимуществу „Исторію Пугачева“, а не „пугачевщины“ или „Пугачевского бунта“, а во-вторыхъ, писалъ ее не какъ историкъ въ строгомъ смыслѣ этого слова, но какъ повѣствователь, желавшій сохранить для себя и для читателей черты личности знаменитаго самозванца и слѣды его времени. Художественный элементъ, который Пушкинъ не скрывалъ, но лишь прикрывалъ общими тономъ историческаго повѣствованія, является несомнѣннымъ свидѣтельствомъ, что именно таковъ и былъ замыселъ поэта, заготовлявшаго въ этомъ видѣ матеріалъ для своего будущаго романа. При этихъ соображеніяхъ ссылки позднѣйшихъ критиковъ на исторіографическую неподготовленность Пушкина должны быть принимаемы съ большою осторожностью. Трудно предположить, что вышло бы изъ-подъ пера Пушкина, который высказалъ столь цѣнные и для своего времени научныя замѣчанія объ историческихъ трудахъ Полевого и Карамзина, если бы онъ всѣмъ своимъ разумомъ и волей отдался спеціально историческому изысканію.

Двойственный, другими словами, не чисто историческій характеръ „Исторіи Пугачевского бунта“ очень скоро былъ замѣченъ современниками. Прежде всего несочувствіе особому вниманію Пушкина къ личности самозванца выразилось въ высочайшемъ исправленіи заглавія съ „Исторіи Пугачева“ на „Исторію пугачевского бунта“. Царь еще болѣе подчеркнул свое несочувствіе замѣчаніемъ, что „преступникъ, какъ Пугачевъ, не имѣеть исторіи“. ¹⁾ Видимо Николай Павловичъ разгадалъ тайную мысль Пушкина и боялся, какъ бы положеніе, что „геній и злодѣйство — двѣ вещи несомѣстныя“, ²⁾ въ свое время глубоко запрятанное въ трагедію „Борись Годуновъ“, не нашло себѣ

¹⁾ Н. Н. Ойрсовъ. Примѣчанія къ „Исторіи пугачевского бунта“.

²⁾ Слова Сальери („Моцартъ и Сальери“ А. С. Пушкина).

развитія въ новомъ художественномъ произведеніи. Пушкину стало ясно, что царь не былъ въ восторгѣ отъ его историческаго опыта.

Затѣмъ въ январьскомъ номерѣ „Сына Отечества“ (1835) появился разборъ „Исторіи пугачевского бунта“, написанный бывшимъ морскимъ офицеромъ и авторомъ „Исторіи Донского войска“ В. Броневскимъ.¹⁾ Разборъ этотъ, во многихъ случаяхъ неосновательный, обнаружилъ, однако, нѣсколько такихъ мѣстъ въ Пушкинскомъ текстѣ, которыя указывали на неполнѣ научный способъ пользованія матеріалами и подчеркивали слабыя мѣста въ ходѣ историческаго изысканія. Особенно любопытнымъ являлось указаніе Броневского на преданіе о Гугнихъ, какъ на сомнительный историческій источникъ. Защита Пушкина была убѣдительна лишь наполовину. Но для насъ теперь ясно, почему „преданіе“ о Гугнихъ было для Пушкина драгоценнѣе всякаго иного хронологическаго источника: оно сберегало древнѣйшія бытовые черты. „Сохранилось поэтическое преданіе, — пишетъ Пушкинъ: — казаки, страстные къ холостой жизни, положили между собой убивать приживаемыхъ дѣтей, а женъ бросать при выступленіи въ новый походъ. Одинъ изъ Атамановъ, по имени Гугня, первый преступилъ жестокой законъ, пощадивъ молодую жену, и казаки, по примѣру Атамана, покорились игу семейственной жизни. Донынѣ, просвѣщенные и гостепріимные, жители Уральскихъ береговъ пьютъ на своихъ пирахъ здоровье бабушки Гугнихи.“ Броневскій былъ правъ, указывая на слабость такого баснословнаго свидѣтельства въ вопросѣ о точномъ времени поселенія казаковъ на Яикѣ. Для Пушкина было довольно безразлично по существу, появились ли казаки на этой рѣкѣ въ XV или XVI вѣкѣ — ему была безконечно дороже та чаша, изъ которой до послѣдняго времени пили казаки здоровье легендарной бабки.

Другое интересующее насъ указаніе Броневского касалось упоминанія о томъ, что станица Потемкинская могла и не стоять на мѣстѣ станицы Зимовейской, гдѣ когда-то находилась казачья изба Пугачева. Пушкину хотѣлось, чтобы сожженная, по указу Екатерины, изба Пугачева была именно въ той станицѣ, которая получила имя Потемкинской. Когда Броневскій указывалъ, что населеніе станицы, гдѣ жилъ Пугачевъ, не желая оставаться въ поруганномъ мѣстѣ, было переведено на другое, „выгоднѣйшее“, Пушкинъ далъ объясненіе, научно не вполне удовлетворительное. Сливъ мѣста старой Зимовейской и позднѣйшей Потемкинской станицы, онъ призналъ это сличеніе достаточноымъ, чтобы сдѣлать заключеніе о тождествѣ этихъ двухъ станицъ.

Какъ самъ Пушкинъ объяснялъ, онъ рѣшилъ, что имп. Екатерина не согласилась на переселеніе жителей Зимовейской станицы, признавъ его слишкомъ „убыточнымъ“, и только-де разрѣшила замѣнить старое наименованіе новымъ.

¹⁾ Замѣчаніе Пушкина на рецензію Броневского см. въ указанномъ выше томѣ академическаго изданія „Сочиненій А. С. Пушкина“ (стр. 468—482).

Заключеніе Пушкина являлось предположеніемъ, допустимымъ для повѣствователя, но недопустимымъ для историка, которому не дано права судить съ положительностью о мотивахъ рѣшенія императрицы, не имѣя къ тому основаній. Можно только догадываться, что для Пушкина было соблазнительно, съ точки зрѣнія художественнаго эффекта, видѣть „пугачевскую“ станицу замѣненной именемъ екатерининскаго фаворита.

VII.

Большой знатокъ Пугачевщины Н. Н. Эирсовъ въ своей работѣ, уже названной нами, сдѣлалъ рядъ замѣчаній, отличающихся большой обстоятельностью и добросовѣстнымъ стремленіемъ къ истинѣ.¹⁾ Однако, при всѣхъ цѣнныхъ поясненіяхъ и критическихъ замѣчаніяхъ Н. Н. Эирсовъ не вполне правильно опредѣлилъ подлинныя побужденія Пушкина. Онъ сдѣлалъ поэту-историку рядъ упрековъ, изъ которыхъ не всѣ одинаково справедливы. Если можно согласиться, что Пушкинъ не оказался на высотѣ современной ему историографии, то слѣдовало бы, думается намъ, наряду съ этимъ указаніемъ опредѣлить по достоинству тотъ чисто художественный, нынѣ уже также историческій матеріалъ, который составляетъ въ его „Исторіи“ самостоятельную цѣнность. Эта существенная сторона оставлена въ тѣни. Вся обстоятельнѣйшая работа критика оказалась направленной главнымъ образомъ на доказательство мысли, что Пушкинъ допустилъ въ своей „Исторіи“ много фактическихъ неточностей, и трудъ его, какъ историческое изслѣдованіе, не отличается необходимыми достоинствами. Изъ упрековъ, сдѣланныхъ Пушкину, едва ли не самый существенный заключается въ томъ, что Пушкинъ переоцѣнилъ силу самодержавія и недооцѣнилъ силы народа въ ихъ взаимной борьбѣ. Вотъ что говорить по этому поводу Н. Н. Эирсовъ: „Даже въ либеральнѣйшій періодъ своей мысли поэтъ, мечтая о паденіи рабства въ Россіи, возлагалъ надежду не на активность народа, а на царскую власть.“ И нѣсколько выше: „Пушкинъ не придавалъ особеннаго значенія въ политической жизни Россіи простому народу, смотря на него, какъ на пассивную, инертную массу, болѣе способную „безмолвствовать“, чѣмъ проявлять свою инициативу и дѣйствовать цѣлесообразно“.

Въ этихъ словахъ основное недоразумѣніе. Какъ бы ни смягчались съ годами политическіе взгляды Пушкина, смягченіе это объяснялось не переходомъ поэта изъ ненавистниковъ монархіи въ ея поклонники, но природной слабостью активнаго боевого темперамента, а въ послѣднее время и общимъ упадкомъ энергіи подъ влияніемъ тѣхъ личныхъ обстоятельствъ жизни поэта, которыя прекрасно выяснены тѣмъ же критикомъ по отношенію къ „Исторіи пугачевского бунта“. Но тотъ молодой задоръ, который былъ такъ естественъ въ авторѣ

1) Н. Н. Эирсову принадлежатъ въ XI томѣ акад. изданія сочиненій Пушкина двѣ работы: 1) Примѣчаніе къ „Исторіи пугачевского бунта“ и 2) „Пушкинъ и Броневскій“.

юныхъ революціонныхъ стиховъ, долженъ былъ уступить мѣсто трезвому пониманію дѣйствительности — оно же внятно говорило Пушкину, что въ тридцатые годы прошлаго столѣтія самодержавная воля была не только сильнѣе придавленной мощи народа, но и единственной силой, способной охранить національна достоинства Россіи отъ опасностей извнѣ. Не забудемъ, что, приступая къ „Исторіи пугачевского бунта“, Пушкинъ только что пережилъ вмѣстѣ со всѣмъ политически развитымъ русскимъ обществомъ сильнѣйшій напоръ почти всеевропейской злобы и ненависти послѣ съ трудомъ подавленнаго польскаго возстанія. Не будучи „пораженцемъ“, но и не дѣлаясь поклонникомъ самодержца Николая Павловича, Пушкинъ волей-неволей долженъ былъ становиться подѣ его знамя, когда приходилось обращаться лицомъ къ лицу къ врагамъ Россіи. Въ эти минуты царь дѣлался для него средоточіемъ національныхъ силъ и полководцемъ.

Народъ дѣйствительно безмолвствовалъ, парламента и общественнаго мнѣнія не существовало, и не было иной реальной силы, которая могла бы дать отпоръ западнымъ завистникамъ русскаго могущества. Одного декабрьскаго бунта было достаточно, чтобы разочаровать Пушкина въ цѣлесообразности дворцовыхъ переворотовъ. Такова была одна сторона дѣла. Другая заключалась въ томъ, что безмолвствовавшій народъ будто бы почитался Пушкинымъ, какъ утверждаетъ Н. Н. Ойрсовъ, такой инертной и ни на что рѣшительно неспособной массой, рассчитывать на которую въ дѣлѣ освобожденія было невозможно. Это утвержденіе критика едва ли нуждается въ длинныхъ опроверженіяхъ. Достаточно указать только на то обстоятельство, что, если Пушкинъ и интересовался когда-либо народомъ, какъ движущей силой, то исключительно въ тѣ моменты его жизни, когда народъ воевалъ или бунтовалъ — явно или скрыто. Напомнимъ, что еще въ молодости Пушкина занимала мысль о романѣ изъ эпохи Стеньки Разина;¹⁾ не добравшись до матеріаловъ объ этомъ бунтовщикѣ, онъ перенесъ свой замыселъ на другого, не менѣе любопытнаго поборника народной воли и власти. Само собой понятно, что, собираясь писать „романъ“ (а не „повѣсть“), героемъ котораго долженъ былъ явиться народный вождь, Пушкинъ не могъ ограничить себя узкобіографическими или психологическими рамками, не связавъ своего героя съ народомъ, его выдвинувшимъ. Критику, несомнѣнно, извѣст-

¹⁾ Любопытно, что одно изъ упоминаній о Стенькѣ Разинѣ встрѣчается у Пушкина непосредственно за выраженіемъ восторга передъ русскими сказками: „Что за прелесть эти сказки! — писалъ онъ Л. С. Пушкину въ первой половинѣ ноября 1824 г., — каждая есть поэма. Ахъ! Боже мой, чуть не забылъ! вотъ тебѣ задача: историческое, сухое извѣстіе о Стенькѣ Разинѣ, единственномъ поэтическомъ лицѣ Рус. Ист.“ Работая надъ „Исторіей пугачевского бунта“, онъ не забывалъ и Разина. По крайней мѣрѣ есть извѣстіе, что онъ пользовался въ это время экземпляромъ книги, взятой имъ у А. С. Норова: „Relation des particularités de la rébellion de Stenko-Razin contre le grand Duc de Moscovie“, Paris, 1762. Позже Пушкинъ разыскалъ и приобрѣлъ эту книгу, которая и сохранилась въ его библиотекѣ. См. „Пушкинъ, Письма“, т. I, стр. 97 и 366.

но, что отношеніе Пушкина къ народу было не менѣе сложнымъ, чѣмъ отношеніе его къ самодержавію. Народъ у него не былъ только бунтующей стихіей, но и силой созидающей и оберегающей государство. Если онъ „безмолвствовалъ“ при замѣнѣ Бориса Годунова Лжедмитріемъ, считая Бориса убійцей законнаго государя, то онъ же долженъ былъ отстаивать цѣлость Россіи отъ шведовъ и поляковъ, а потомъ нести тяжелое бремя защиты отъ европейскаго расхищенія. Если бы Пушкинъ считалъ, что народъ былъ призванъ только работать на дворянъ и помѣщиковъ, онъ, несомнѣнно, долженъ былъ бы при самомъ началѣ упереться въ стѣну передъ вопросомъ: что же дало и Стенькѣ Разину и Пугачеву вдохновеніе и нравственную силу? Очевидно, не одно золото и награбленное добро являлись для нихъ стимуломъ борьбы, исполненной риска, опасностей и напряженія всѣхъ силъ, но нѣчто иное, что выдѣляло ихъ изъ среды обыкновенныхъ разбойниковъ и убійць. Это „нѣчто“ — искренній и глубокой паеосъ борьбы за попранныя права народа, энтузіазмъ стихійнаго порыва къ свободѣ и отмщенію. Критикъ удивляется: какъ могъ Пушкинъ эпитетъ „сволочь“ прилагать къ народу или, по крайней мѣрѣ, къ его революціонной части, той, которая пристала къ самозванцу?¹⁾ Связывая сужденія Пушкина съ болѣе основательными, по его мнѣнію, сужденіями Погодина о русской исторіи, какъ показателѣ народной активности, Н. Н. Ѳирсовъ пишетъ: „Правда, въ тридцатыхъ годахъ нельзя было сказать то, что Погодинъ осмѣлился написать въ пятидесятыхъ, нельзя было выяснять, что крѣпостное право создавало условія для пугачевщины, но можно было не преуменьшать значенія уже бывшаго Пугачевского бунта и, не прибавляя къ тому, что о немъ изложено у Пушкина, воздержаться и отъ слишкомъ упрощеннаго субъективизма, отъ столь прочувствованнаго эпитета, какъ слово „сволочь“ по адресу приставшихъ къ самозванцу инсургентовъ“. Если бы Н. Н. Ѳирсовъ не ограничилъ своей задачи узкой исторической стороною, онъ сильнѣе подчеркнулъ бы, что, не имѣя возможности говорить о крѣпостномъ правѣ, какъ важнѣйшемъ источникѣ этого и многихъ другихъ мятежей, Пушкинъ долженъ былъ поневолѣ сузить свою оцѣнку Пугачевского бунта. Независимо отъ этого, критикъ могъ бы яснѣе представить себѣ, почему въ расчеты Пушкина не входило такое изображеніе социальнаго быта, которое, даже соотвѣтствуя дѣйствительности, вызвало бы несомнѣнное запрещеніе Пушкину давать какіе бы то ни было официальные матеріалы. Очевидно, что въ погонѣ за личностью Пугачева въ роли символа народнаго возмущенія, Пушкинъ не замыслилъ бы избрать сюжетъ изъ эпохи пугачевщины для романа, если бы не считалъ его историческій смыслъ достойнымъ предметомъ своей творческой работы. Столь же очевидно, что и общій принижающій тонъ и нелестные эпитеты, прилагаемые къ Пугачеву, и слово „сво-

¹⁾ Замѣтимъ, что сто лѣтъ назадъ слово „сволочь“ еще не стало исключительно браннымъ и сохранило свое первоначальное значеніе — „сбродъ“.

лочь“ въ примѣненіи къ „инсургентамъ“ — только внѣшніе показатели того компромиса, на который, скрѣпя сердце, пошелъ Пушкинъ во имя своей полускрытой художественной цѣли. Достаточно проникнуть въ тонъ сообщеній Пушкина о фактахъ присоединенія къ Пугачеву не только казаковъ, башкиръ и простолюдиновъ, но и цѣлыхъ гарнизоновъ съ офицерами и духовенствомъ, чтобы видѣть, что Пушкинъ не могъ ни отрицать, ни скрывать отъ самого себя той силы и обаянія народности, какая одна только и дѣлала Пугачева народнымъ героемъ. Среди „инсургентовъ“ было не мало и такихъ героевъ грабежа и пьянства, которые засоряютъ всякое соціально-политическое движеніе, каково бы оно ни было, къ нимъ-то очевидцы и современники Пугачева считали себя вправѣ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, примѣнять это не академическое слово. Пушкинъ слѣдовалъ въ своемъ изложеніи, какъ отчасти онъ дѣлалъ это и въ своихъ повѣстяхъ вообще, духу языка той эпохи, къ которой относилось содержаніе повѣсти. Излюбленной эпохой въ этомъ отношеніи для Пушкина былъ XVIII вѣкъ, особенно вторая половина. Манифесты, указы, письма этой эпохи такъ же не могли остаться безъ вліянія на стиль Пушкина, какъ не могли не возмущать его буйства и звѣрства именно пугачевскихъ „шаекъ“, творившіяся ими часто противъ воли самого Пугачева.

Мы видимъ, что въ данномъ случаѣ Н. Н. Фирсовъ, принижая историческую заслугу Пушкина, самъ не оказался на высотѣ историческаго пониманія. Мы должны отстаивать эту заслугу великаго поэта въ полной мѣрѣ, но понимая ее въ другомъ смыслѣ. Какія бы фактическія неточности, исправленныя историками, и ни допустилъ Пушкинъ въ быстромъ развитіи пугачевскихъ дѣйствій, онъ оставилъ намъ въ своемъ трудѣ нѣчто безконечно важное и цѣнное: яркій портретъ даровитаго, умнаго бунтовщика-самоучки, личности во многихъ отношеніяхъ замѣчательной. Въ наброскахъ и рисункахъ, въ стилѣ языка и мысли, въ общемъ колоритѣ онъ далъ отраженіе одной изъ любопытнѣйшихъ бытовыхъ страницъ русской политической исторіи, и, самое главное, позволилъ намъ судить, при всей разрозненности фрагментовъ, о величавомъ замыслѣ историческаго романа, который поэтъ обдумывалъ долго и любовно.

VIII.

При чтеніи „Исторіи пугачевского бунта“ неволью возникаетъ вопросъ: представляетъ ли повѣсть „Капитанская дочка“ именно тотъ романъ, о которомъ Пушкинъ мечталъ еще около десяти лѣтъ до времени ея написанія? Этотъ вопросъ находился въ ближайшей связи съ другимъ: какъ Пушкинъ использовалъ въ этой повѣсти матеріалы, собранныя имъ для его историческаго труда?

Какъ мы уже указали, „Исторія“ была для Пушкина неизбѣжной данью обстоятельствамъ его личной и общественной жизни, обстоятельствамъ, которыя стояли на пути свободному развитію его художественнаго гения. Съ одной стороны, собраніе матеріаловъ было необ-

ходимо для выполнения волновавшего его замысла, а сь другой — писаніе „Исторіи“ являлось дѣломъ вынужденнымъ, несвойственнымъ его живому и впечатлительному темпераменту, обязанностью, отъ которой онъ стремился освободиться какъ можно скорѣе. Несмотря на всѣ эти внѣшнія и внутреннія затрудненія, Пушкинъ достигъ своей ближайшей цѣли: онъ собралъ въ своей „Исторіи“ все, что казалось ему необходимымъ для историческаго портрета Пугачева. Называя свою работу „Исторіей Пугачева“, онъ никого не хотѣлъ вводить въ заблужденіе и, если бы эта работа вышла подъ этимъ заглавіемъ, многіе упреки критики потеряли бы свою остроту. Въ „Капитанской дочкѣ“ онъ одухотворилъ этотъ портретъ, воскресилъ его, наполнилъ его движеніемъ, нервами и горячей кровью, заставилъ озлобленное сердце мятежника биться въ общемъ ритмѣ сь окружающей соціальной и психологической средой. Онъ перенесъ на эту личность все, познанное на опытѣ предварительнаго изученія, — и внѣшніе факты бытового уклада, и душевныя свойства, и тонкія наблюденія художника, умѣющаго понимать самыя тайныя колебанія челоуѣческаго духа. Въ „Капитанской дочкѣ“ Пугачевъ явился такимъ же порожденіемъ народной среды, органически, видимо и невидимо связаннымъ сь народной психикой, какъ степное перекати-поле связано сь весенними дождями, солнцемъ и буранами степи. Пушкинъ далъ почувствовать эту связь, но не раскрылъ ее, зачаровавъ читателя внутренней правдой, огнемъ и красками личности. Здѣсь онъ не опустилъ ни одной черты, какой бы случайной она ни казалась, чтобы представить Пугачева именно такимъ, какимъ онъ представлялся ему сквозь историческую призму. Рѣчь Пугачева загадочна и лукава для слуха Гринева; такъ же она была загадочна, но уже не лукава, а грозна въ той по виду невинной игрѣ словъ, которую онъ позволилъ себѣ въ присутствіи всесильнаго гр. Панина. Панинъ не разгадалъ ея символическаго смысла, какъ ничего не понялъ въ афоризмахъ Пугачева и молодой Гринева, когда жалкій бродяга говорилъ хозяину избы, казаку, хорошо понимавшему „воровской языкъ“:

— Будеть дождикъ, будутъ и грибки; а будутъ грибки, будетъ и кузовъ; а теперь заткни топоръ за спину: лѣсничій ходитъ...

То было на зарѣ мятежа, поднимавшагося не Пугачевымъ, но народомъ въ лицѣ Пугачева. Не Пугачевымъ этотъ мятежъ начинался, и не Пугачевымъ онъ кончится: таковъ былъ тайный смыслъ дерзкой шутки, обращенной къ Панину: поймали вороненка, а воронъ, мятежный народъ, на свободѣ. Это ощущеніе „тайнаго“, невидимаго однимъ, и яснаго, какъ день, другимъ, истинное волшебство Пушкинской интуиціи, отвѣчающей по своей психологической глубинѣ столь же волшебному раскрытію сюжета изъ вѣщаго сна молодого Гринева. Тайная связь психологической завязки сь сюжетомъ пріобрѣтаетъ черезъ сто лѣтъ послѣ написанія повѣсти ярко символическое значеніе: юный дворянинъ, ѣдущій на военную службу, его крѣпостной слуга, долженствующій охранять барина и его добро, и бѣглый казакъ-авантю-

ристь, задавшійся цѣлью смести и дворянство со всею его культурой и весь дворянско-чиновничій порядокъ. Пугачевъ въ „Капитанской дочкѣ“ повторяетъ Пугачева „Исторіи“ во всѣхъ основныхъ чертахъ. Онъ смѣлъ и отваженъ, при наступленіи — впереди, на бѣломъ конѣ, съ обнаженной саблей, въ живописномъ красномъ кафтанѣ. Былъ ли Пугачевъ убѣжденъ въ самомъ дѣлѣ, что смерть не была ему суждена въ открытомъ бою, или, вѣрнѣе, просто шель напраломъ къ своей цѣли, — но въ изображеніе его отваги у Пушкина вложена великая сила обаянія. Эта сила объясняетъ, чѣмъ дѣйствовалъ Пугачевъ на окружавшую его разноплеменную и полудикую толпу. Беззавѣтная храбрость, ставка на свою голову, игра на жизнь и на смерть сами по себѣ были плѣнительны для Пушкина, для его страстной, увлекавшейся натуры, чуткой къ игрѣ случая и судьбы. Пугачевъ обладалъ, сверхъ того, умомъ расчетливымъ и тонкимъ, который замѣнялъ ему положительныя знанія. Онъ безъ всякой подготовки, однимъ чутьемъ, одной наблюдательностью, постигъ искусство военной стратегіи и воинскаго строя. Все, что онъ дѣлалъ, какъ военачальникъ и стратегъ, было проникнуто такой находчивостью, какая обличала въ немъ исключительное военное дарованіе. Но это дарованіе ему пришлось примѣнять среди людей, отлично понимавшихъ игру бѣглаго авантюриста, и Пугачеву поневолѣ надо было взять на себя задачу искуснаго и тонкаго дипломата: онъ долженъ былъ знать границы своего стихійнаго могущества и средства воздѣйствія и на окружающихъ и на свое вольнолюбивое войско. Боевая обстановка требовала кровавыхъ жертвъ, которымъ Пугачевъ принужденъ былъ давать политическое и моральное оправданіе. Мы видимъ его въ нарядной казацкой одеждѣ, въ креслѣ, съ платкомъ въ рукѣ, которымъ онъ даетъ знакъ палачамъ. Но дипломатъ долженъ вести осторожную политику со своими „фельд-маршалами“ и „енералами“, прекрасно зная, что, при измѣнившей удачѣ, они предадутъ его.

Недаромъ въ „Капитанской дочкѣ“ Пушкинъ заставляетъ Пугачева повторить его подлинныя слова: „Улица моя тѣсна; воли мнѣ мало. Ребята мои умничаютъ. Они воры. Мнѣ должно держать ухо востро; при первой неудачѣ они свою шею выкупятъ моею головою“.¹⁾

Пугачевъ убиваетъ въ открытомъ бою, Пугачевъ вѣшаетъ, пытается, отдаетъ города и селенія на грабежъ и пожары, словомъ, борется такъ, какъ боролись и донинѣ не перестали бороться всѣ, еще не упраздненныя ни мятежей, ни войны. Но если Пушкинъ въ „Исторіи“ и называетъ его по официальной терминологіи „воромъ“ и „злодѣемъ“, то въ той же „Исторіи“ онъ не забываетъ отмѣтить, что по натурѣ своей Пугачевъ не былъ ни „кровопійцей“, ни „звѣремъ“. Въ этомъ отношеніи Пушкинъ взялъ историческую черту. Въ показаніяхъ казака Почиталина, данныхъ секретной слѣдственной комиссіи 8 мая 1774 года,

¹⁾ „Сочин. А. С. Пушкина“, ред. П. А. Ефремова, изд. А. С. Суворина, Спб., 1903, т. IV, стр. 621.

есть прямое указание на то, что Пугачевъ былъ противъ излишней жестокости и грабежей. „Грабительства безвинныхъ людей онъ (Пугачевъ) не любилъ, — показывалъ казакъ Почиталинъ, — а потому многихъ, въ томъ приличившихся, вѣшалъ безъ пощады“. ¹⁾ Къ этой чертѣ близко подходила другая, которая также очеловѣчивала его образъ: извѣстнаго рода великодушіе и признательность за услугу. Въ „Исторіи“ Пушкинъ разсказалъ, какъ Пугачевъ отнесся къ „пастору реформатскаго исповѣданія“, который когда-то подавалъ ему милостыню въ Казани. Когда плѣннаго пастора привели къ Пугачеву, послѣдній по-своему обошелся съ нимъ. „Бѣдный пасторъ ожидалъ смерти. Пугачевъ принялъ его ласково и пожаловалъ въ Полковники. Пасторъ - Полковникъ посаженъ былъ верхомъ на Башкирскую лошадь“...²⁾ Что же касается отраженія этихъ чертъ — извѣстнаго благородства и великодушія — въ „Капитанской дочкѣ“, то положительно можно сказать, что вся повѣсть построена на психологіи именно этихъ чертъ, придающихъ личности самозванца привлекательный характеръ. Заячій тулупчикъ, однажды согрѣвшій озябшаго бродягу, спасаетъ жизнь нѣсколькимъ существамъ и высоко поднимаетъ личность мятежника надъ слѣпой классовою ненавистью и безразсуднымъ чувствомъ мести. Пушкинъ не разъ показалъ, что въ тѣ минуты, когда Пугачевъ имѣлъ всѣ основанія заподозрить Гринева и отнестись къ нему, какъ къ своему непримиримому противнику и врагу, Пугачевъ становился на сторону не логическихъ соображеній, но движеній своего сердца. Пушкинъ чисто по-шекспировски разрѣшилъ трудную психологическую задачу, когда Пугачевъ, поколебленный неожиданнымъ доносомъ Швабринна о томъ, что Марья Ивановна была не племянницей попадьи, но дочерью непокорнаго капитана Миронова, не зналъ на что рѣшиться, и Гринева могъ чувствовать уже веревку на своей шеѣ. Не одна находчивость Гринева спасла его, но и отличавшая Пугачева памятьливость за оказанное ему добро — она помогла ему найти рѣшеніе въ духѣ челоуѣчности и снисхожденія.

Гдѣ только можно было, Пушкинъ отмѣтилъ въ „Исторіи“ различныя проявленія этого своеобразнаго благородства, уживавшагося со всей стихійной нелѣпостью степнаго казацкаго нрава. По крайней мѣрѣ нигдѣ не показалъ Пушкинъ своего героя презрѣннымъ и низкимъ, и даже тамъ, гдѣ Пугачевъ слѣдовалъ грубымъ влеченіямъ своей натуры, Пушкинъ ни однимъ штрихомъ не уронилъ его въ тину житейской грязи и нравственнаго разложенія. Поднимался Пугачевъ надъ уровнемъ обычной сѣрой толпы бродягъ и преступниковъ, проторившихъ столько дорогъ по россійскимъ степямъ и тайгамъ, когда въ откровенной бесѣдѣ своей съ Гриневымъ онъ, безъ всякаго бахвальства, говорилъ ему о своей ставкѣ на удачу въ роковой и опасной игрѣ:

¹⁾ „Пугачевщина“. Государственное издательство. (Центрархив), М., 1929, т. II, стр. 111.

²⁾ „Исторія пугачевскаго бунта“, стр. 94.

— Поздно мнѣ каяться. Для меня не будетъ помилованія. Буду продолжать, какъ началъ. Какъ знать? Авось и удастся! Гришка Отрепьевъ вѣдь поцарствовалъ же надъ Москвою...¹⁾

Ссылка Пугачева на Гришку Отрепьева въ высшей степени любопытна. Пушкинъ обоихъ постигъ творческимъ чутьемъ и обоихъ поставилъ на ихъ историческія мѣста. У одного и другого — страстная жажда яркой и бурной жизни, пусть краткой, но обжигающей душу молніями соблазновъ и миражей. Оба потянулись за этой жизнью къ русскому царскому вѣнцу, озаренному ореоломъ сказочнаго могущества и блеска. Оба — страстные игроки на жизнь и смерть, тайные вопрошатели судьбы и явные лицедеи. Но какая разница въ личномъ отношеніи Пушкина къ обоимъ героямъ непокоренной судьбы! Одинъ — затѣйливое изготвление іезуитской интриги, другой — какъ бы къ нему ни относиться съ государственной точки зрѣнія, стихійно-національный мститель за попранныя вольности и страданія народа. Первый презиралъ русскую народную, темную и скорбную душу, не чувствуя великихъ возможностей, въ ней затаенныхъ, другой самъ носилъ въ себѣ эту душу и на себѣ показалъ, какія высоты и низины таитъ она въ космической стихійности своихъ проявленій. Первый служилъ игрищемъ чужой политики, стремившейся къ поработенію, другой поднялъ народъ за его освобожденіе отъ поработителей, кто бы они ни были. Образъ этого героя Пушкинъ прежде всего рѣшилъ очеловѣчить, очистить отъ прилипшей къ нему злобы и отвращенія. Онъ подготовилъ эту очистительную работу въ своей „Исторіи“ и совершилъ въ „Капитанской дочкѣ“.

IX.

Совершенно ясно, что не въ трогательномъ романѣ Гринева и Марьи Ивановны лежалъ центръ тяжести замысла Пушкина, но въ личности Пугачева. Обдумывая „романъ“, Пушкинъ, по понятіямъ своего времени, долженъ былъ ввести въ него любовную интригу. Эта интрига и была введена въ повѣсть по всѣмъ правиламъ схематики въ стилѣ французской литературы: два любящихъ сердца и третья, исполненное ревности и злобы. Пользуясь своимъ дивнымъ даромъ сообщать красоту самымъ обыкновеннымъ проявленіямъ человѣческаго чувства, Пушкинъ сумѣлъ сочетать ихъ съ глубоко-волнующими движеніями души и обнаружить героизмъ и силу тамъ, гдѣ въ обыквенной жизни они незамѣтны. Но независимо отъ этого сама любовная интрига не вышла за предѣлы построеній, какія мы находимъ въ другихъ повѣстяхъ Пушкина, и введеніе въ нее Пугачева пріобрѣло значеніе по преимуществу сюжетное. Еще болѣе внѣшнимъ обстоятельствомъ по отношенію къ Пугачеву является изображеніе въ концѣ повѣсти императрицы Екатерины. Въ ея лицѣ своего рода *deus ex*

¹⁾ „Сочин. А. С. Пушкина“, ред. П. А. Ефремова, изд. А. С. Суворина, 1903, т. IV, стр. 621.

machina разрѣшаетъ напряженное положеніе однимъ движеніемъ магического жезла.

Но оставимъ въ сторонѣ прекрасное строеніе трогательной исторіи любви и страданій Марьи Ивановны и Гринева подъ тѣмъ золотымъ фризомъ, который осѣнилъ ихъ дальнѣйшее счастье, и обратимся къ Пугачеву.

Слѣдуетъ только представить себѣ, какъ много усилій мысли и пера потратилъ Пушкинъ на этого героя народнаго мятежа, съ какимъ упорствомъ преодолевалъ трудности, стоявшія на пути его изученія, чтобы задуматься надъ вопросомъ: подлинно ли повѣсть „Капитанская дочка“ отвѣчала тому замыслу романа, который въ теченіе десяти лѣтъ вынашивалъ Пушкинъ въ своемъ творческомъ воображеніи? Если считать несомнѣнной не только психологическую, но и идеологическую связь между Борисомъ Годуновымъ, Гришкой Отрепьевымъ и Пугачевымъ, то стоило ли во имя этой связи съ такой настойчивостью добиваться официальныхъ данныхъ о Пугачевскомъ дѣлѣ и о слѣдствіи надъ нимъ, чтобы показать его образъ и характеръ въ нѣсколькихъ положеніяхъ на второмъ и даже на третьемъ планѣ? Чтобы превратить Пугачева изъ злодѣя и изверга рода человѣческаго въ личность, доступную всему доброму и злему, что свойственно человѣческой натурѣ, Пушкину не было необходимости перечитывать пыльные фоліанты архивныхъ дѣлъ: для этого было достаточно лишь подхватить многочисленные нити народныхъ преданій и воспоминаній современниковъ, среди которыхъ образъ Пугачева былъ еще живъ во всей полнотѣ бытовыхъ и нравственныхъ чертъ. Очевидно, не для того только, чтобы обнаружить благородство Пугачева передъ Гриневымъ, устанавливалъ Пушкинъ въ началѣ своей „Исторіи“ духовную связь мятежника съ тѣмъ населеніемъ, судьбы котораго выдвинули его на историческое поприще. Излагая преданіе о первоначальной привольной жизни казаковъ и инородцевъ на широкихъ степяхъ Приуралья, связывая эти преданія съ именемъ нѣкой Гугнихи, Пушкинъ преслѣдовалъ — онъ это прекрасно сознавалъ — иную цѣль, чѣмъ та, какую ставила передъ нимъ строгая историческая наука. Гугниха, осмѣянная критикой, старые казацкіе обычаи, ихъ нравы и черты бытового устройства нужны были романисту Пушкину, какъ свѣжій степной воздухъ человѣку, никогда не знавшему надъ собой крыши. Именно воздуха, того воздуха, которымъ дышалъ Пугачевъ и населеніе, въ немъ воплощенное, не оказалось ни въ „Исторіи“, ни въ „Капитанской дочкѣ“. Другими словами — не оказалось социальной атмосферы, ставшей въ условіяхъ областной русской политики настолько удушливой, что единственнымъ средствомъ разрѣшить ее явилась гроза народнаго возстанія. Это ощущаемое нами отсутствіе воздуха въ прекрасныхъ картинахъ Пушкина объясняется не только цензурными условіями или особенностями его живописи, но и тѣмъ, что мы въ нашемъ воспріятіи особенностей той эпохи ушли отъ нея чрезвычайно далеко. Если Пушкинъ жилъ не при Екатеринѣ, если ему не пришлось страдать ни отъ побо-

ровъ, ни отъ кнута въ приуральскихъ застѣнкахъ, онъ и его современники, для которыхъ онъ писалъ свою повѣсть, жили и дышали тою же атмосферой крѣпостного безправія, которая за десятки лѣтъ передъ тѣмъ заставляла тысячи мирныхъ и трудолюбивыхъ гражданъ покидать насиженные мѣста и уходить въ турецкія и персидскія владѣнія. Для его современниковъ краткія по необходимости и бѣглыя упоминанія о „притѣсненіяхъ“ властей, чинимыхъ мирнымъ и добрымъ кочевникамъ и безропотнымъ земледѣльцамъ, были слишкомъ краснорѣчивы и безъ особыхъ разъясненій. Въ свою очередь герои „Капитанской дочки“, въ ихъ бытовой и психологической значимости, были еще слишкомъ близки ко времени Пушкина, чтобы нужно было разъяснять узоры сложной сѣти сословныхъ и экономическихъ противорѣчій. Но для насъ и „Исторія пугачевского бунта“, и даже повѣсть, къ ней прирощая, уже стали отраженіями ушедшей жизни и для своего правильного пониманія нуждаются въ извѣстныхъ историческихъ разъясненіяхъ. Только принявъ во вниманіе соціальныя условія, породившія Пугачева, мы, если не пріоткроемъ завѣсы, то во всякомъ случаѣ вызовемъ нѣкоторыя представленія о томъ, что въ личности Пугачева осталось нераскрытымъ въ повѣсти Пушкина и что могло интересовать его въ планѣ романа.

Напомнимъ, что въ пору Михайловскаго одиночества, когда передъ поэтомъ, которого тогда особенно тянуло къ бунтарству, впервые замелькали образы Стеньки Разина и Пугачева, онъ еще не сладилъ съ революціонными настроеніями, тянувшими его въ кружки декабристовъ. Идеи французской революціи и ужасы аракчеевскаго режима сочетались въ его воображеніи въ нѣчто стихійное и нелѣпое, разлагавшееся на отдѣльныя понятія — народъ, самодержавіе и государство, одно съ другимъ не согласованныя. Творчество давало исходъ бурному кипѣнію силъ, но политическая мысль неустанно работала и искала выхода изъ тупика. Впечатлѣніе отъ „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“, связаннаго съ трагической судьбой вольнолюбиваго Радищева, было еще свѣжо, и тяжесть аракчеевскаго „самовластія“ ощущалась даже на дворянскихъ плечахъ Пушкина.

Х.

Европейская литература была насыщена изображеніями исключительныхъ и смѣлыхъ натуръ, а русская исторія давала краски для такой не романтической, но подлинно реальной дѣйствительности, которая исключала необходимость вымысла для самыхъ потрясающихъ сценъ и дѣйствій. При той сложности и остротѣ переживаній, какая угадывается въ душѣ Пушкина въ послѣдніе годы царствованія имп. Александра, образъ мятежника, идущаго подъ знаменемъ народнаго освобожденія, долженъ былъ занять поэта не однимъ бытовымъ и психологическимъ, но и соціальнымъ содержаніемъ: Каково должно было быть это соціальное содержаніе, можно судить въ настоящее

время не по однимъ лишь историческимъ обобщеніямъ. Пушкинъ не могъ не знать, какія глубокія причины лежали въ психикѣ мятежа, съ такой легкостью охватившаго все пространство отъ Урала до Волги и способнаго переброситься и дальше на западъ. Радищевъ и декабристы знали эти причины, которыхъ не хотѣло своевременно знать петербургское правительство имп. Екатерины до тѣхъ поръ, пока пожаръ не захватилъ огромнаго пространства и не сталъ угрожать самому бытію петербургской власти. Только послѣ подавленія мятежа была назначена особая слѣдственная комиссія подъ предсѣдательствомъ графа П. И. Панина, которая собрала огромный матеріалъ о состояніи пріуральскихъ областей въ годы, предшествовавшіе мятежу. Оказалось, что въ то время, какъ въ Петербургѣ развертывалась обращенная лицомъ къ Европѣ блистательная политика имп. Екатерины и ея сподвижниковъ, столь прославленныхъ исторіей, на огромныхъ степныхъ просторахъ, невидимыхъ столичному глазу, установились свои порядки, по внѣшности согласованные съ указами и предначертаніями высшихъ властей, а по существу — извращавшіе ихъ. Объ этихъ порядкахъ можно получить представленіе изъ одного документа громадной исторической важности, недавно опубликованнаго.¹⁾ Это докладная записка, поданная подполковникомъ А. И. Свѣчинымъ графу Панину. Записка раздѣлена на нѣсколько главъ и содержитъ въ себѣ послѣдовательный перечень (конечно, далеко не полный) злоупотребленій, безнаказанныхъ преступленій, жестокостей, насилій и поборовъ, систематически, въ теченіе многихъ лѣтъ совершавшихся надъ безправнымъ и разоряемымъ населеніемъ. Подполковникъ Свѣчинъ, по всѣмъ даннымъ человекъ усердный и честный, собралъ въ „экстрактѣ“, какъ онъ назвалъ свой многосторонне разработанный докладъ, и систематизировалъ огромное число фактическихъ данныхъ, расположенныхъ въ ста шестидесяти восьми пунктахъ, характеризующихъ въ общей сложности социальную-психологическую природу мятежа. Первый отдѣлъ посвященъ дѣятельности духовенства. Правительство издавна проявляло стремленіе закрѣпить вольное и бродячее населеніе на мѣстахъ, подчинить его государственной регламентаціи, а духовенство должно было въ свою очередь содѣйствовать этому, пріобщая иновѣрцевъ къ православію. Чтобы облегчить это пріобщеніе, правительство поощряло переходъ въ христіанство нѣкоторыми льготами, денежными выдачами и подарками. Мѣстное духовенство по своему поняло намѣренія правительства. Вотъ что рассказываетъ Свѣчинъ о „проповѣдникахъ“, на которыхъ была возложена обязанность склонять къ добровольному принятію христіанской вѣры: „Оне жъ, проповѣдники и помощники, езда по новокрещенымъ жителствамъ, тѣхъ, кои еще и понынѣ не крестились, не чрезъ проповѣди слова Божія оныхъ приводили в законъ, но совершеннымъ раззореніемъ, а имянно: окны и двери рубили, пѣчи и трубы ломали, били плетми без

¹⁾ Въ упомянутомъ уже нами II-мъ томѣ „Пугачевщины“ („Экстрактъ“), стр. 3—40.

всякаго милосердія и сему подобные дѣла дѣлали, что с монашеским и священнымъ чиномъ нимало не согласно“.¹⁾

Высшее духовенство, и бѣлое и черное, было въ этомъ отношеніи заодно съ чернымъ. „Те жъ архимандриты, узнавъ кого из крестьян пожиточного и семейнаго, брали в монастыри и опредѣляли во всякие монастырскіе услуги; а когда кто, не желая быть, дастъ денегъ рубли три и болше, смотря по пожитку, то, обобравъ, оныхъ отпускали в дома, а на место техъ в работе держивали долее и работы накладывали тягостнее.“ Учрежденія, на которыхъ была возложена забота о подростящихъ поколѣніяхъ новообращенныхъ христіанъ, умѣли извлекать доходы еще и инымъ способомъ. „Новокрещенской конторы секретари и определенные ко оной школе смотрители, яко-бы между собою согласясь и не имея никакого опасения, подъ именами разныхъ людей, для пищи онымъ школьникомъ ставили от себя гнилую муку, протухлое мясо и ванючую рыбу, за что брали ис казенныхъ денегъ настоящую цену, отчего они яко-бы немалое имение нажить успели, а оныя ученики от такой нездоровой и худой пищи, бывъ бес призрения, по малому числу в годъ умирали.“

Священнослужители обращались съ населеніемъ совершенно такъ же, какъ тому учила и вся административная практика. Чиновники различныхъ управленій, заводскія конторы, сборщики государственныхъ платежей обирали населеніе всевозможными способами, зная, что на обидчиковъ жаловаться некому, что судьи, въ свою очередь, жили взятками, и что отдѣльные смѣльчаки, доводимые подчасъ до отчаянія систематическими притѣсненіями и поборами, обращаясь въ высшія учрежденія съ челобитными, попадали подъ слѣдствіе и судъ къ тѣмъ же чиновникамъ, на которыхъ они жаловались. Заводы, канцеляріи держали у себя на своихъ работахъ подъ разными предлогами крестьянъ и инородцевъ, отрывая множество людей отъ ихъ домашнихъ занятій и закабалая ихъ экономически низкими расцѣнками труда и недобросовѣстной расплатой. Иногда ставили въ счетъ предметы первой необходимости, которыя расцѣнивались втридорога, иногда уплачивая половину и безъ того низкой заработной платы, требуя расписокъ въ полученіи платы сполна. Особенно страдали государственные крестьяне. „Пришед же во изнеможеніе, оныя государственные крестьяне наимывались в работу на медныхъ, железныхъ и прочихъ партикулярныхъ, а не казенныхъ заводахъ, также весьма за малую цену, не болѣе по пяти рублей въ годъ; у коихъ определенные прикащики ис той договорной суммы наглостию своею почти по половине удерживали, а иногда и вовсе не платили, принуждая въ книгахъ расписыватца в полной сумме.“ Грабили начальники и управляющіе, но не менѣе усердія къ поборамъ проявляли и низшіе служащіе — писцы въ канцеляріяхъ, лѣсные стражники, унтеръ-офицеры воинскихъ ко-

¹⁾ Приводимъ, сохраняя ореографію подлинника, какъ онъ переданъ въ упомянутомъ изданіи.

мандь. Свѣчинъ приводитъ характерный примѣръ, который являлся лишь однимъ изъ тысячъ способовъ обирания жителей. Въ мѣстахъ, гдѣ завѣдомо не было лѣсовъ, кромѣ „заповѣдныхъ“, гдѣ, стало быть, пилить было нечего, крестьянамъ роздали пилы, причемъ за каждую пилу взяли по два рубля, цѣну слишкомъ высокую по сравненію съ цѣной за рабочій трудъ на заводахъ — пять рублей въ годъ, и безъ того, какъ сказано выше не выплачивавшихся полностью. Послѣ того дважды ежегодно развѣзжали среди населенія солдаты для провѣрки „распиленного“ и за собираніе справокъ брали по копѣйкѣ съ души.¹⁾ Лѣсные стражники умѣли создавать дѣла о преступленіяхъ даже тамъ, гдѣ и тѣни ихъ не было. „Валтмейстеры, — рассказываетъ Свѣчинъ, — и то дельвали, что важивали съ собою дубовые отрубки и щепы и будто зная где богатога жителя, перебѣросивъ чрезъ заборъ, делали тому хозяину жесточайшіе раззорени, яко-бы онъ дуб срубилъ, и, устрашивая ево везениемъ в городъ и тамъ пыткой, и протчим истязаниемъ. Но бѣдной сей житель, хотя и совершенно знаетъ, что онъ правъ, однако, видевъ такие устращивани и притеснени и опасаясь совершенного раззорения, оным валтмейстеромъ отдавали все, что они не потребовали, яко-то; денегъ немалои суммы, лошадей, скота и протчего.“

Никто и ничто не спасало мирныхъ и трудолюбивыхъ жителей отъ доносовъ, побоевъ и грабежей. Неудивительно, что единственной возможностью скрыться отъ преслѣдованія жестокихъ и алчныхъ администраторовъ являлось бѣгство въ лѣса и степи, гдѣ скрывавшіеся должны были поневолѣ заниматься разбоемъ и грабежомъ. Для помки разбойниковъ снаряжались команды, получавшія отъ казны деньги на развѣзды и пропитаніе. Но „сыщики“ перелагали расходы по своему содержанію и развѣздамъ на то же населеніе, которое страдало отъ разбойниковъ. И этого было мало: „Если же когда теми сыщиками пойманы были разбойники з грабленными, а воры съ краденными пожитками, то-бъ, сколко оного ни было, не отдавая хозяевамъ, разбирая, делили по себѣ“.

Мы привели лишь отдѣльные и вкратцѣ взятыя примѣры изъ записки Свѣчина, которая вся, отъ начала до конца, представляетъ собою одну скорбную эпопею возмутительнаго издѣвательства надъ правомъ и совѣстью. Ея одной, безъ другихъ, столь же неопровержимыхъ свидѣтельствъ безнаказанности и произвола, было бы достаточно, чтобы создать тотъ соціальный фонъ, на которомъ огненными и кровавыми пятнами разыгались жестокія сцены ненависти и мести во время пугачевского бунта. А такихъ свидѣтельствъ набралось безконечно много, и исторія начинаетъ дѣлать изъ нихъ соотвѣтствующіе выводы.²⁾

Можно ли сомнѣваться, что Пушкинъ, прекрасно знавшій, что областные порядки Екатерининскаго времени не прекратились ни при

¹⁾ „Пугачевщина“, т. II, стр. 29.

²⁾ См. „Пугачевщина“, т. I.

Александръ, ни при Николаѣ, не говоря уже о краткомъ царствованіи Павла, сплошь занятомъ крестьянскими бунтами? Но желѣзная государственная система не позволяла выплывать наружу тому, что творилось въ муравьиныхъ низинахъ народной жизни. При всей сдержанности, къ которой обязывало Пушкина официальное положеніе исторіографа, повергавшаго свой трудъ на высочайшее усмотрѣніе, онъ не удержалъ себя отъ краткаго, но выразительнаго заключенія: „Такъ кончился мятежъ, начатый горстію непослушныхъ казаковъ, усилившейся по непростительному нерадѣнію начальства, и поколебавшей Государство отъ Сибири до Москвы, и отъ Кубани до Муромскихъ лѣсовъ“.¹⁾

На казенномъ языкѣ того времени эти слова означали очень многое.

XI.

Въ „Капитанской дочкѣ“ Пушкинъ отмѣтилъ еще одну черту у Пугачева, къ сожалѣнію мало развитую: Пугачевъ чувствовалъ въ себѣ какую-то стихійную силу, роковымъ образомъ увлекавшую его на путь мстителя за народную обиду. Готовый повѣрить подчасъ въ свою историческую миссію, онъ въ то же время чувствовалъ себя и жертвой судьбы, игравшей имъ среди житейскихъ бурь и случайностей. Съ какимъ-то вдохновеніемъ обреченности просилъ онъ въ одной изъ сценъ „Капитанской дочки“ запѣть его любимую пѣсню, гдѣ раскрывалась безконечно грустная и привольно-дикая трагедія разбойничьей души.

Пушкинъ незамѣтно передавалъ читателю двойное настроеніе — и мрачную поэзію пѣсни и воспріятіе этой пѣсни Пугачевымъ, уже ощущавшимъ на своей шеѣ прикосновеніе руки палача. Пушкинъ передалъ это двойственное, по существу очень сложное чувство словами Гринева, который, слушая пѣніе, заражался общимъ настроеніемъ мятежныхъ разбойниковъ.

Не шуми, мати зеленая дубровушка,
Не мѣшай мнѣ доброму молодцу думать...

Я скажу тебѣ, надѣжа православный царь,
Всеё правду скажу тебѣ, всю истину,
Что товарищей у меня было четверо:
Еще первой мой товарищъ темная ночь,
А второй мой товарищъ булатный ножъ,
А какъ третій-то товарищъ, то мой добрый конь,
А четвертый мой товарищъ, то тугой лукъ;
Что разсылъщики мои, то калены стрѣлы...

Пѣсня кончалась тѣмъ, что царь, довольный смѣлымъ и открытымъ отвѣтомъ разбойника, жаловалъ его „хоромами высокими, что двумя ли столбами съ перекладиной“.

¹⁾ „Исторія пугачевского бунта“, соч. Пушкина, изд. Як. Н., т. XI, стр. 111.

„Невозможно рассказать, — продолжает Пушкин устами Гринева, — какое дѣйствіе произвела на меня эта простонародная пѣсня про висѣлицу, распѣваемая людьми, обреченными висѣлицѣ. Ихъ грозныя лица, стройные голоса, унылое выраженіе, которое придавали они словамъ, и безъ того выразительнымъ — все потрясло меня какимъ-то пѣитическимъ ужасомъ.“ Этотъ моментъ — высшая точка подъема художественнаго постиженія разбойничьей души Пугачева. Ничто не могло лучше выразить того восторга и, вмѣстѣ, отталкиванія, съ которымъ Пушкинъ, волнуясь и любя, подходилъ и уходилъ отъ своей „натуры“. Въ этихъ двухъ словахъ — „пѣитическій ужасъ“ — раскрыта величайшая творчески-психологическая загадка, какимъ образомъ „разбойникъ“ и „убійца“ очищается въ душѣ художника отъ всѣхъ своихъ тяжкихъ грѣховъ и становится человѣкомъ, котораго можно прощать и любить. Пушкинъ постигъ Пугачева именно этимъ всепрощеніемъ и любовью художника, простилъ и полюбилъ не потому, что судилъ прежде, но потому, что понялъ. Онъ понялъ тотъ отравленный воздухъ проклятыхъ „соціальныхъ условій“, которыя привели на путь душегубства человѣка крѣпкой мысли и могучей воли. Въ творествѣ Пушкина Пугачевъ имѣлъ товарища поневолю — Владимира Дубровскаго, который также ушелъ въ разбойники не по растлѣннѣ души, но изъ протеста, не найдя иного пути борьбы съ насиліемъ и произоломъ. Въ этомъ отношеніи между Дубровскимъ и Пугачевымъ была лишь та разница, что первый изъ нихъ — мститель за свою поруганную честь и счастье, а въ сложной, глубокой и запутанной душѣ Пугачева мотивы народнаго страданія и обиды играли перво-степенную роль.

Повѣсть „Дубровскій“, писанная въ 1832—33 году (т. е., въ періодъ напряженнѣйшаго интереса къ Пугачеву), проникнута волнующимъ историческимъ и соціальнымъ смысломъ, который показываетъ, какъ глубоко воспринималъ Пушкинъ явленіе россійскаго феодализма и общественнаго безсилія. Чтобы написать эту столь эпическую и невинную для того времени историческую повѣсть, Пушкинъ долженъ былъ воочію представить себѣ все безконечное море физическихъ и нравственныхъ страданій, униженія, отчаянія и злобы, которое разлилось по всему неизмѣримому простору Россійской Имперіи. Предположить, что Пушкинъ рисовалъ свои характеры и портреты, не наполняя ихъ огнемъ и болью своей души, страдавшей отъ соціальной неправды, положительно невозможно. Это значило бы отказать ему въ самомъ дорогое, въ самомъ прекрасномъ горѣннѣ его творческаго духа, горѣннѣ, въ пламень котораго онъ готовъ былъ въ послѣдніе годы бросить и гимны красотѣ и сладкіе звуки своей божественной лирики. Но, увы! — и переходя къ прозѣ, Пушкинъ не достигъ ни того покоя, ни того уединенія, которые позволили бы ему дописать все, что въ разное время было надумано. Недописаннымъ, вѣрнѣе — не написаннымъ остался романъ, гдѣ Пугачевъ долженъ былъ занять мѣсто на первомъ планѣ. Не тотъ Пугачевъ, котораго Пушкинъ показалъ Гри-

неву и Марьѣ Ивановнѣ въ такомъ сравнительно мирномъ и благодушномъ свѣтѣ, но Пугачевъ-мститель за всѣхъ тѣхъ незамѣтныхъ маленькихъ, затерянныхъ, забытыхъ, темныхъ человѣчковъ, которыхъ тиранили, обирали, ссылали и гноили въ тюремныхъ застѣнкахъ герои упомянутой нами Свѣчинской эпопеи. Въ „Исторіи пугачевского бунта“ Пушкинъ оставилъ нѣсколько набросковъ этого Пугачева, набросковъ, которыми онъ не воспользовался для „Капитанской дочки“. Въ нихъ Пугачевъ является вождемъ всѣхъ, кто не былъ избавленъ отъ кнута и пытки — и крестьянъ, и солдатъ, и честныхъ казаковъ и „сволочи“, вождемъ, стихійно вздымавшимъ волны народного гнѣва. Этого Пугачева Пушкинъ замыслилъ, но не дописалъ, ибо дописать не могъ. Такой Пугачевъ не могъ быть созданъ внѣ широкихъ народныхъ картинъ и общей перспективы многословной русской жизни. Своей „Исторіей пугачевского бунта“ Пушкинъ далъ намъ почувствовать его, ощутить запахъ крови, рваныхъ ноздрей, висѣвшихъ глазъ, выпадавшихъ изъ впадинъ, изуродованныхъ труповъ. Среди пьянаго разгула, дымящихся деревень, жестокихъ пытокъ и казней Пушкинъ вызвалъ передъ нами страшный призракъ проклятiя всему, что превращаетъ человѣческую душу въ орудіе ненависти и мести. И чѣмъ яснѣе становится, что этотъ призракъ — не исчадіе ада, но такой же человѣкъ, какъ и мы, со всѣми нашими достоинствами и пороками, только затянутой силой историческихъ обстоятельствъ въ тенета кровавой борьбы, тѣмъ большій ужасъ рокового трагизма охватываетъ наше сознание. Пушкинъ создалъ призракъ кроваваго ужаса, но отдѣлилъ его отъ личности Пугачева. Онъ показалъ, что человѣкъ, какъ бы онъ ни казался уменъ и отваженъ, является лишь игральнымъ судьбы, скрывающей отъ насъ послѣднія цѣли.

Но въ свое хмурое, непогодливое время великій поэтъ могъ писать лишь символами и китайскими тѣнями. Онъ не допѣлъ многихъ пѣсенъ, не досказалъ многихъ строфъ, не дорисовалъ многихъ образовъ страстной, кипящей, русской жизни. Не дописалъ онъ и своего „романа“ о Пугачевѣ, замыселъ котораго исходилъ изъ заповѣднѣйшихъ глубинъ его творческой мысли. Но мы знаемъ теперь, что въ этомъ романѣ онъ желалъ изобразить одну изъ величайшихъ проблемъ русской судьбы, проблему народа, съ его стихійной и поневолѣ мятежной мощью, съ его столь же стихійной любовью къ свободѣ и мирному труду.

РУССКІЙ ИНСТИТУТЪ ВЪ ПРАГѢ

**ПУШКИНСКІЙ
СБОРНИКЪ**

1929

ТИПОГРАФІЯ „ПОЛИТИКА“, ПРАГА